

«МОЖНО ЧИТАТЬ, КАК ПРИКВЕЛ
К «МЕЧТАЮТ ЛИ АНДРОИДЫ ОБ ЭЛЕКТРООВЦАХ?»
ГРЕГГ РИКМАН

ФИЛИП К. ДИК

МЫ ВАС ПОСТРОИМ

**PHILIP
K. DICK**

Филип К. Дик. Электрические сны

Филип Дик

Мы вас построим

«ЭКСМО»

1962

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Дик Ф. К.

Мы вас построим / Ф. К. Дик — «Эксмо», 1962 — (Филип К. Дик. Электрические сны)

ISBN 978-5-04-111830-3

В этом лирическом и трогательном романе Филип К. Дик переплетает историю токсичной любви с историей о разумных роботах и рассматривает все это через призму шизофрении, которая не щадит ни человека, ни робота. Когда компания Луиса Розена создает андроида – идеальную копию Авраама Линкольна, она попадает в прицел олигарха, имеющего свои собственные планы на роботов. Тем временем Розен ищет совета у Линкольна в сердечных делах, поскольку ухаживает за женщиной, неспособной понять человеческие эмоции. Женщиной, которая может быть даже более роботизированной, чем копия Линкольна.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-111830-3

© Дик Ф. К., 1962
© Эксмо, 1962

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Филип Дик

Мы вас построим

Philip K. Dick We Can Build You
Copyright © 1972, Philip K. Dick.
All rights reserved

© 1972, Philip K. Dick

© Т. Минина, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Роберту и Джинни Хайнлайнам, чью доброту не выразить
обычными словами.*

Глава 1

Мы разработали и отшлифовали свою технологию продаж музыкальных инструментов примерно в начале семидесятых. Обычно мы начинали с размещения нашей рекламы в любой местной газете, в разделе «Частные объявления». Это выглядело примерно так:

«Спинет-пианино и электроорган изъяты за неуплату кредитной ставки. Продаются во избежание расходов по транспортировке инструментов обратно в Орегон. Вещи в прекрасном состоянии. Принимается оплата наличными или кредитными картами, имеющими надежное обеспечение в данном регионе. Обращаться в «Компанию Фраунциммера по производству пианино», к управляющему по кредитам мистеру Року, Онтарио, штат Орегон».

Таким образом на протяжении пяти лет мы методично перебрали практически все населенные пункты западных штатов, добравшись до Колорадо. Дело было поставлено на научную основу, с использованием географических карт. Мы так основательно прошерстили все Западное побережье, что вряд ли остался неохваченным хоть самый завалищий городок. Четыре мощных грузовика – собственность компании – непрерывно колесили по дорогам, в каждом из них находился наш надежный сотрудник.

Теперь представьте: указанное объявление появляется, скажем, в «Индепендент джорнал» города Сан-Рафаэль. Вскоре письма с предложениями начинают поступать в нашу орегонскую контору. Тут вступает в дело мой партнер Мори Рок, который сортирует всю эту корреспонденцию и составляет списки потенциальных клиентов. Затем, когда таковых набирается достаточно в заданном районе, хоть в том же Сан-Рафаэле, он связывается с ближайшим транспортом. Положим, это некий Фред, торчащий на своем грузовике в округе Марин. Получив сообщение Мори, он сверяется с собственной картой и списками клиентов. Теперь ему только остается найти телефон-автомат, и можно звонить первому клиенту.

А тем временем Мори посылает авиапочтой ответы каждому откликнувшемуся на наше объявление:

Уважаемый мистер такой-то!

Нам очень приятно, что Вы откликнулись на наше объявление в «Индепендент джорнал». К сожалению, сотрудник, занимающийся данным вопросом, в настоящий момент находится в отъезде. Мы направили ему Ваши координаты, чтобы он мог связаться с Вами и сообщить все детали...

и т. д., и т. п.

Что ж, это была хорошая работа... Однако теперь, по прошествии нескольких лет, следует признать: продажа электроорганов трещала по всем швам. Судите сами, за истекший период нам удалось продать в районе Вальехо сорок пианино и ни одного органа.

Такой дисбаланс в продаже наших изделий вызвал некоторую напряженность в отношениях и послужил причиной довольно жаркого спора с моим партнером Мори Роком.

Поздно вечером я прибыл в Онтарио, штат Орегон, намереваясь с утра двинуться дальше на юг, к Санта-Монике. Мне предстояла встреча с нашими спонсорами, пригласившими чиновников из правоохранительного департамента. Так сказать, с целью изучения нашей инициативы, а также методов работы... Ну что ж, благотворительное мероприятие. Столь же бесплатное для нашей компании, сколь и бесполезное, поскольку с некоторых пор мы работали абсолютно законно.

Я бы не назвал Онтарио своей родиной. Вообще-то я родом из Уичита-Фоллз, что в Канзасе. Когда я учился в средней школе, мы переехали в Денвер, а затем в Бойсе, штат Айдахо.

Онтарио является в некотором роде пригородом Бойсе, он располагается у самой границы Айдахо. Леса Восточного Орегона к этому месту сходят на нет. Вы проезжаете по длинному металлическому мосту – и перед вами открывается плоская равнина, вот там-то они и фермерствуют. Я имею в виду местных жителей. Их конек – картофельные пирожки. Оба штата скооперировались и выстроили фабрику по производству этого добра, весьма солидное предприятие, особенно по части электроники. А еще тут чертова прорва япошек, которые перебрались в эти места во время Второй мировой войны, да так и остались выращивать лук и еще какую-то ерунду. Климат здесь сухой, земля дешевая. За крупными покупками люди предпочитают ездить в соседний Бойсе. Что касается последнего, то это довольно большой город, который лично я терпеть не могу, поскольку там не достать приличной китайской еды. Это совсем рядом со старым Орегонским трактом, здесь еще проходит железка на Шайенн.

Наш офис располагается в старом кирпичном здании в самом центре, напротив скобяной лавки. Его легко узнать по фиалковым зарослям, которые так радуют глаз, когда вы только что отмотали сотни миль по безжизненным пустыням Калифорнии и Невады.

Итак, я припарковал у тротуара свой запыленный «шевроле» с откидным верхом и зашагал к зданию, на котором красовалась наша вывеска:

ОБЪЕДИНЕНИЕ МАСА

«МАСА» расшифровывается как «МУЛЬТИПЛЕКСНЫЕ АКУСТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ АМЕРИКИ». Это изящное псевдонаучное название родилось из лейбла фабрики по производству электроорганов – фамильного предприятия нашей семьи. Мой же компаньон Мори со своей «Компанией Фраунциммера по производству пианино» влился позднее, его имя как нельзя лучше подходило для нашего парка грузовиков. Надо сказать, Фраунциммер – настоящая фамилия Мори, а уж Рока он придумал позже. Я-то лично предпочитаю имя, под которым родился, – Луис Розен, по-немецки – «розы». Я как-то поинтересовался у Мори, что означает его фамилия, оказывается – просто «женщина». Тогда я спросил, откуда взялся Рок.

– А я просто ткнул наугад в энциклопедию, выпало – Рок Сабэд.

– По-моему, ты сделал неверный выбор, – заметил я. – Мори Сабэд звучало бы лучше.

Я взшел по скрипучей лестнице, она была выстроена еще в 1965 году; по-хорошему давно бы ее пора заменить, да денег не хватает. Массивная дверь распахнулась на удивление легко, пара шагов, и я в лифте, эдакой старой автоматической штуковине. Еще через минуту я преодолел несколько последних ступенек и вошел в наш офис. Там было шумно и весело. Парни выпивали, и, судя по всему, уже давно.

Не успел я войти, как Мори бросился в атаку.

– Время идет вперед, – безапелляционно заявил он. – Наши электроорганы уже устарели.

– Ты не прав, – возразил я. – На самом деле электронные органы – это как раз то, что нужно. За электроникой будущее, именно с ее помощью Америка покоряет космос. Вот увидишь: через десять лет ты не сможешь продать ни одного своего спинета в день. Они окажутся пережитком прошлого.

– Раскрой глаза, Луис, – усмехнулся Мори. – Посмотри на то, что создали наши конкуренты. Взгляни на «Тональный орган Хаммерштайна» или на «Вальдтофелевскую эйфорию». А после этого скажи, какой дурак захочет барабанить на твоём органе, как на пишущей машинке!

Мори выглядел как всегда – долговязый, с трясущимися руками и заметно увеличенной щитовидкой. Проблема моего партнера состояла в том, что его организм слишком быстро усваивал пищу. Ему приходилось ежедневно глотать кучу пилюль, а когда они не помогали, бедняга принимал радиоактивный йод. Если б Мори выпрямить, в нем было бы около шести футов трех дюймов. Волосы, когда-то черные, изрядно поседели и поредели, но по-прежнему длинными тонкими прядями спускались на плечи Мори. Его большие, выпуклые глаза смот-

рели на мир неизменно расстроено, как бы выражая вселенскую грусть по поводу того, что все меняется от плохого к худшему.

– Хороший инструмент не устаревает, – назидательно сказал я, но, похоже, у Мори была своя точка зрения на этот счет.

По сути, наш бизнес сейчас терпел крах из-за этих чертовых исследований мозга, что проводились где-то в середине 60-х, а также изобретения Пенфилдом, Джекобсоном и Олдсом технологий глубинного управления. А хуже всего были их открытия в области среднего мозга. Гипоталамус – это место, где формируются эмоции человека, и вот тут-то мы совершили ошибку. Мы не приняли в расчет гипоталамус. Фабрика Розена никогда не использовала прием шокowej передачи на выборочных частотах коротковолнового диапазона, который стимулирует очень специфические участки среднего мозга. Тем самым мы подписали себе приговор, вся дальнейшая борьба оказалась бесполезной. А ведь это было так просто и эргономично – элементарно добавить несколько дополнительных переключателей к нашей обычной клавиатуре из 88 черно-белых клавиш.

Как и многим другим, мне доводилось иметь дело с «Тональным органом Хаммерштайна» – впечатления приятные, не спорю, хотя, по сути своей, ничего конструктивного. Да, действительно, вы имеете возможность набрать на клавиатуре хитрую комбинацию для стимуляции новых эмоций в ваших мозгах. Допускаю, что теоретически можно даже достичь состояния нирваны. Обе корпорации – Хаммерштайна и Вальдтойфеля – сорвали на этом деле большой куш. Но, друзья мои, это же не музыка! Просто бегство в никуда. Ну и кому это нужно?

– Это нужно мне, – заявил Мори не далее как в декабре 1978-го.

И он пошел и нанял электронщика, уволенного из Федерального космического агентства. Мори надеялся, что этот инженеришка по-быстрому сляпает для него новую улучшенную версию электрооргана с использованием стимуляции гипоталамуса.

Однако Боб Банди, пусть и гений по части электроники, с органами дела никогда прежде не имел. До нас он занимался тем, что проектировал симулякров для правительства. Хочу пояснить: симулякр – это искусственный человек, которого лично я предпочитаю считать элементарным роботом. Их используют в исследовательских экспедициях на Луну, время от времени засылая новые партии с мыса Канаверал.

С увольнением Банди дело было темное. Ну да, конечно, он пил, но это никак не сказывалось на его творческом потенциале. Погуливал, но не больше, чем все мы. Я думаю, его вышвырнули за неблагонадежность. Нет, Банди не являлся коммунистом – смешно даже представить его приверженцем каких-то политических идей; скорее, это был законченный образец бродяги. Ну, знаете, вечно грязная одежда, нечесанные волосы, небритый подбородок и блуждающий взгляд. Добавьте к этому бессмысленную улыбочку – и перед вами портрет Боба Банди. Психиатры из Федерального бюро психического здоровья классифицируют подобных типчиков как ущербных. Наверное, в чем-то они правы: если Бобу задают вопрос, он испытывает определенные трудности с формулированием ответа. Кажется, будто у него срабатывает блокировка речи. Но его руки – они чертовски хороши! Что-что, а свою работу он делать умеет. Вот потому он и не подпадает под действие Акта Макхестона.

Однако прошло уже много месяцев, как Боб работает на нашу контору, и до сих пор из его трудов не вышло ничего путного. И это невзирая на то, что Мори носит с ним, как курица с яйцом.

– Единственная причина, по которой ты так уперся в свою гавайскую гитару с электроклавиатурой, – заявил мне Мори, – заключается в том, что твой отец и брат занимались этой штуковиной. Вот почему ты не в состоянии посмотреть правде в глаза.

– Ты используешь доводы «ад хоминем», – возразил я. – То есть подменяешь аргументы личными выпадами.

– Талмудистская схоластика, – отмахнулся Мори.

Было совершенно очевидно, что он успел основательно нагрузиться спиртным, как и все остальные. Пока я крутил баранку, они успели выдуть не одну бутылку старого доброго бурбона.

– Ты хочешь расторгнуть наше партнерство? – напрямик спросил я.

В этот момент я и сам хотел того же. Не стоило ему катить пьяную бочку на моего отца и брата. А заодно и на всю нашу фабрику электроорганов в Бойсе с ее персоналом из семнадцати служащих.

– Я только говорю, что новости из Вальехо предвещают скорую кончину нашему главному продукту, – продолжал Мори, – несмотря на его шестидесятитысячный диапазон звуковых комбинаций, часть из которых попросту недоступна человеческому уху. Все вы, Розены, просто помешаны на космических напевах вуду, которые производит ваша дерьмовая аппаратура. И у вас еще хватает духу называть это музыкальными инструментами! Да вам попросту медведь на ухо наступил. Я бы ваш электронный полуторатысячный орган не стал держать дома, даже если б он достался мне даром. Я лучше куплю набор виброфонов.

– Ага, – ухмыльнулся я, – да ты у нас пурист. И кстати, эта штука стоит не полторы тысячи, а тысячу семьсот.

– Твоя форсированная музыкальная шкатулка выдает один только рев, который после модификации превращается в свист. – Мори очевидным образом несло. – Больше она ни на что не годится.

– На ней можно сочинять музыку, – настаивал я.

– Не смейся меня! Я бы скорее назвал этот процесс созданием средства от несуществующей болезни. Черт побери, Луис, тебе следует либо спалить полфабрики, которая производит эту фигню, либо модернизировать ее. Переделать во что-то новое и более полезное для бедного человечества на его мучительном пути вперед. Ты слышишь меня? – Мори раскачивался на стуле, тыча в меня длинным пальцем. – Мы ведь вырвались в небо, движемся к звездам. Человек уже не должен быть таким узколобым придурком, как Луис Розен. Ты слышишь меня?

– Слышу, – ответил я. – Но, сдаётся мне, именно ты и Боб Банди были теми людьми, которые брались решить все наши проблемы. И вот месяцы прошли, а что же мы имеем?

– Мы имеем нечто, – веско произнес Мори. – И когда ты увидишь это, то будешь вынужден признать, что мы сделали несомненный шаг вперед.

– Да? Ну так покажи мне ваши достижения!

– Ладно, – согласился он. – Мы сейчас поедem на фабрику, тем более что твой папаша и братец Честер наверняка торчат там. Будет только честно продемонстрировать им продукт, который они там у себя производят.

Стоявший с выпивкой в руках Банди одарил меня своей обычной подленькой усмешкой. Было очевидно, что наша беседа изрядно его нервирует.

– Чувствую: вы, парни, собираетесь нас разорить, – сказал я ему.

– Ха, так мы точно разоримся, – парировал Мори. – Особенно если будем маяться дурью с вашим органом «Вольфганг Монтеверди» или той переводной картинкой, которую твой братец Честер наляпал на него в этом месяце.

Мне нечего было ответить, и я предпочел сконцентрироваться на выпивке.

Глава 2

У Мори была седьмая модель «ягуара» выпуска 1954 года. Знаете, такая мечта коллекционера – белая колымага с противотуманными фарами и решеткой, как у «роллс-ройса». Внутри салон радовал обилием света и кожаными, ручной обтяжки, сиденьями орехового цвета. Мой партнер трясся над своим бесценным «ягуаром», постоянно что-то отлаживал и улучшал в нем. Тем не менее на автостраде, связывающей Онтарио с Бойсе, мы тащились со скоростью не выше 90 миль в час. Это бесило меня.

– Послушай, Мори, я жду объяснений, – начал я. – Ну давай, разверни передо мной радужные перспективы, как это ты умеешь.

Мори, не отрываясь от руля, затыкнул своей сигарой «Корина спорт», откинулся назад и спросил:

– Как по-твоему, что волнует сегодня Америку?

– Секс, – предположил я.

– Нет.

– Ну, может, соревнование с Россией по завоеванию планет Солнечной системы?

– Нет.

– Ладно, скажи тогда сам.

– Гражданская война тысяча восемьсот шестьдесят первого года.

– О господи! – вырвалось у меня.

– Я не шучу, дружище. Наша нация обременена навязчивой идеей войны между штатами. И я тебе объясню почему: это была первая и единственная военная кампания, в которой американцы принимали полноценное участие! – Он выдул дым от своей «Корины» мне прямо в лицо. – Собственно, это и сделало нас американцами.

– Лично я так не думаю.

– Да брось! Давай заедем в любой крупный город центральных штатов и проведем эксперимент. Опроси десять человек на улице, и, готов биться об заклад, шестеро из них в ответ на подобный вопрос ответят: «Гражданская война тысяча восемьсот шестьдесят первого года». Я просек это еще полгода назад и с тех пор размышлял, какую выгоду можно извлечь из данного факта. Так вот, старик, это может иметь фундаментальное значение для МАСА, если мы, конечно, не прохлопаем ушами. Ты в курсе, у них тут был столетний юбилей, лет десять тому назад?

– Да, – сказал я, – в тысяча девятьсот шестьдесят первом году.

– И он провалился. Кучка бедолаг разыграла пару-тройку битв, и все. Дело обернулось громким пшиком. Ну да ладно, бог с ними! Ты лучше взгляни на заднее сиденье.

Я включил свет внутри салона и обернулся. Там лежало нечто, упакованное в газеты, формами напоминавшее куклу из витрины, ну знаете, эти манекены. И, судя по минимальному количеству выпуклостей в районе грудной клетки, вряд ли женский манекен.

– И что это? – спросил я.

– То, над чем я работал.

– Это пока я надрывался с нашими грузовиками?

– Точно, дружище, – усмехнулся Мори. – И помяни мое слово: пройдет время, и эта затея затмит все наши спинеты и органы. Да так, что у тебя голова кругом пойдет!

Он многозначительно покивал.

– Теперь, пока мы не приехали в Бойсе, выслушай меня, Луис. Я не хочу, чтобы благодаря твоему папочке и Честеру для нас наступили тяжелые времена. Вот почему нужно ввести тебя в курс дела прямо сейчас. Эта штукавина, там сзади, принесет миллиард баксов нам или любому, кому посчастливится ее найти. И вот что я собираюсь сделать. Я сейчас съеду

с дороги и где-нибудь продемонстрирую ее тебе. Может, у закусочной или на заправке – да в любом месте, где достаточно светло. – Мори выглядел напряженным, руки его дрожали больше обычного.

– А кто поручится, что там у тебя не припрятан двойник Луиса Розена? – спросил я. – Вдруг ты собираешься вырубить меня, а эту чертову штуковину посадить на мое место?

Мой компаньон внимательно посмотрел на меня.

– Почему ты спросил? Нет, все не так, дружище, но по случайности ты почти попал в яблочко. Вижу, котелок у тебя еще варит. Как в старые добрые времена, когда мы были зелеными юнцами и ничего не имели за душой. Если, конечно, не считать твоего папаши и вечно озабоченного брата. Черт, интересно, почему же Честер не стал сельским ветеринаром, как собирался вначале? Это здорово облегчило бы нам жизнь. Так нет же, вместо этого, извольте радоваться – фабрика спинет-пианино в Бойсе, штат Айдахо. Бред какой-то! – покачал головой Мори.

– Ну, твоя-то семейка и того не сделала, – заметил я. – Они вообще ничего не сделали и не создали. Типичное сборище посредственностей, проходимцы от швейной промышленности. Может, скажешь, это они поддержали наш бизнес, а не мой отец и Честер? Короче, во-первых, я хочу знать, что это за дрянь у тебя на заднем сиденье. И во-вторых, я не собираюсь останавливаться на заправке или у закусочной. У меня смутное предчувствие, что ты и впрямь собираешься каким-то образом подставить меня. Так что давай крути баранку.

– Но подобную вещь не описать словами, ты должен видеть.

– Уверен, ты справишься. Мошенничество – это как раз твой конек.

– Ну хорошо, я тебе объясню, почему их чертов юбилей тогда провалился. Потому что парни, которые когда-то сражались и клали свои жизни за Союз или Конфедерацию, уже мертвы. Никто не может перевалить за столетний срок. А если такие и есть, то они ни на что уже не годны – по крайней мере, ружье они в руки не возьмут. Согласен?

– Хочешь сказать, у тебя там припрятана мумия или какой-нибудь зомби из ужастиков? – поинтересовался я.

– Я тебе скажу, что у меня там. В эту кучу газет у меня упакован Эдвин М. Стэнтон.

– Кто-кто?

– Он был военным советником у Линкольна.

– А!

– Я не шучу.

– И когда же он умер?

– Давным-давно.

– Я так и думал.

– Послушай, – сказал Мори. – Я создал электронного симулякра, вернее, Банди его создал для нас. Это обошлось мне в шесть тысяч, но оно того стоило. Давай остановимся у закусочной на ближайшей заправке, и я устрою демонстрацию. Думаю, это единственный способ тебя убедить.

У меня мурашки побежали по коже.

– В самом деле?

– А ты думаешь, это дешевый розыгрыш?

– Боюсь, нет. Мне кажется, ты абсолютно серьезен.

– Точно, приятель, – подтвердил Мори. Он сбавил скорость и включил поворотник. – Я остановлюсь вон там, видишь вывеску «У Томми. Отличные итальянские обеды и легкое пиво».

– Ну и дальше? Что ты имеешь в виду под демонстрацией?

– Мы просто распакуем его, он войдет с нами в закусочную, закажет пиво и цыпленка. Вот что я имею в виду под демонстрацией.

Мори припарковал свой «ягуар» и открыл заднюю дверцу. Он зашуршал газетами, и довольно скоро нашим глазам предстал пожилой джентльмен в старомодной одежде. Лицо его украшала седая борода, глаза были закрыты, руки скрещены на груди.

– Вот увидишь, насколько он будет убедителен, когда закажет себе пиццу, – пробормотал Мори и защелкал какими-то переключателями на спине робота. Мгновенно лицо джентльмена приняло замкнутое, сердитое выражение, и он проворчал:

– Будьте любезны убрать свои руки от меня, мой друг.

Мори торжествующе ухмыльнулся:

– Ты видел это?

Тем временем робот медленно сел и начал тщательно отряхиваться. Он сохранял строгий и злобный вид, как будто мы и впрямь причинили ему какой-то вред. Возможно, этот джентльмен подозревал, что мы оглушили и силой захватили его, и вот он только-только пришел в себя. Я начинал верить, что ему удастся одурачить кассира в «Отличных обедах у Томми». А еще мне стало ясно: Мори все просчитал заранее. Если б я не видел собственными глазами, как эта штука ожила, то вполне мог бы купиться. Пожалуй, решил бы, что передо мной просто патриархального вида джентльмен, приводящий в порядок одежду и потрясающий при этом своей раздвоенной бородой с выражением праведного гнева.

– Так, ясно, – медленно произнес я.

Мори распахнул заднюю дверцу, и Эдвин М. Стэнтон с достоинством вышел из машины.

– У него деньги-то есть? – поинтересовался я.

– Ну конечно, – возмутился мой компаньон. – И давай без глупых вопросов, ладно? Поверь, все очень серьезно. Может, серьезнее, чем когда-либо.

Шурша по гравиевой дорожке, мы отправились в ресторанчик. Мори вполголоса развивал свою мысль:

– Это дело открывает блестящее будущее для нас. И кстати, шикарные экономические перспективы для всей Америки.

В ресторане мы заказали пиццу, но она оказалась подгоревшей, и Эдвин М. Стэнтон закатил скандал, размахивая кулаком перед носом у хозяина заведения. В конце концов мы все же оплатили счет и удалились.

Я взглянул на часы – прошел уже час, как мы должны были прибыть на Фабрику Розена. Меня вообще одолевала сомнения, что мы попадем туда сегодня. Мори почувствовал мою нервозность.

– Не переживай, дружище, – успокоил он меня, заводя машину. – С этим новомодным твердым топливом для ракет я смогу выжать из моей крошки все двести миль.

– Я бы посоветовал не рисковать понапрасну, – раздался ворчливый голос Эдвина М. Стэнтона. – Разумеется, если безусловный выигрыш не перевешивает риск.

– Кто бы спорил, – откликнулся Мори.

«Фабрика Розена по производству пианино и электроорганов» (формально она именовалась заводом) вряд ли являлась достопримечательностью города Бойсе. С виду это плоское одноэтажное здание, смахивающее на пирог в один слой, с собственной парковкой. Вывеска – с тяжелыми пластиковыми буквами и подсветкой – выглядит очень современно, зато окон немного, только в офисе.

Когда мы подъехали, уже совсем стемнело, и фабрика была закрыта. Пришлось ехать дальше, в жилой район.

– Как вам здесь нравится? – спросил мой компаньон у Эдвина М. Стэнтона.

Робот, всю дорогу сидевший очень прямо на заднем сиденье, немедленно откликнулся:

– Не назовешь приятным местом. Я нахожу довольно безвкусным жить здесь.

– Послушайте, вы! – возмутился я. – Моя семья живет здесь, неподалеку, и я бы попросил...

Я и в самом деле разозлился, услышав, как эта фальшивка критикует настоящих людей, тем более – моего замечательного отца. Я уж не говорю о моем брате, Честере Розене! Среди радиационных мутантов можно было по пальцам пересчитать тех, кто, подобно ему, достиг чего-то в производстве пианино и электроорганов. «Особорожденные» – вот как их называют! Подняться столь высоко при нынешних предрассудках и дискриминации. ... Ни для кого не секрет, что университет, а следовательно, и большинство приличных профессий для них закрыты.

Честер, Честер... Нашу семью всегда безумно расстраивало, что глаза у него расположены под носом, а рот – как раз там, где полагается быть глазам. Но в этом виноват не он, а те, кто испытывал водородную бомбу в 50–60-х годах. Именно из-за них страдает сегодня Честер и подобные ему. Помню, ребенком я зачитывался книгами о врожденных дефектах – тогда, пару десятилетий назад, эта тема многих волновала. Так вот, там описывались такие случаи, по сравнению с которыми наш Честер – почти нормальный человек. Хуже всего были истории про младенцев, которые просто распадались во чреве, а потом рождались по кусочкам: челюсть, рука, пригоршня зубов, пальцы. Как те пластмассовые детальки, из которых ребятишки склеивают модели самолетов. Беда только в том, что этих несчастных эмбрионов уже было не собрать воедино. Во всем мире не сыскать такого клея, который позволил бы их снова склеить. Лично меня подобные статьи неизменно вгоняли в длительную депрессию.

А еще появлялись новорожденные, сплошь заросшие густыми волосами, как тапочки из шерсти тибетского яка. И те, чья кожа до того пересыхала, что шла глубокими трещинами, как будто они побывали на Солнце. Так что оставим в покое бедного Честера. «Ягуар» остановился у края тротуара напротив нашего дома. В гостиной горел свет – видимо, родители с братом смотрели телевизор.

– Давай пошлем Эдвина М. Стэнтона вперед, – предложил Мори. – Пусть он постучится, а мы понаблюдаем из машины.

– Вряд ли это хорошая мысль, – усомнился я. – Отец за милую признает фальшивку. Еще, чего доброго, спустит его с лестницы, и ты потеряешь свои шесть сотен, или сколько там ты заплатил.

Хотя, скорее всего, затраты спишутся на счет МАСА, подумал я.

– Пожалуй, я рискну, – сказал Мори, придерживая заднюю дверцу, чтоб его протеже мог выйти.

Он снабдил его директивой, довольно нелепой, на мой взгляд:

– Ступай к дому номер тысяча четыреста двадцать девять и позвони в дверь. Когда тебе откроют, произнеси следующую фразу: «Теперь он принадлежит векам» – и жди.

– Что все это означает? – возмутился я. – Какой-то магический пароль, открывающий двери?

– Это знаменитое высказывание Стэнтона, – пояснил Мори, – по поводу смерти Линкольна.

– Теперь он принадлежит векам, – повторял Стэнтон, пересекая тротуар и поднимаясь по ступеням.

– Давай я пока вкратце расскажу тебе, как мы сконструировали Эдвина М. Стэнтона, – предложил мой компаньон. – Как собирали по крупицам всю информацию о нем, а затем готовили и записывали в Калифорнийском университете управляющую перфоленту центральной монады мозга образца.

– Да ты отдаешь себе отчет, что вы делаете, – возмутился я. – Подобным жульничеством ты попросту разрушаешь МАСА! Эта ваша дрянь, у которой мозгов кот наплакал! И зачем я только с тобой связался?

– Тише, – прервал меня Мори, так как Стэнтон уже звонил в дверь.

Открыл ему мой отец. Я видел его в дверях – домашние брюки, шлепанцы и новенький халат, подаренный мною на Рождество. Зрелище было достаточно внушительное, и Стэнтон, уже начавший заготовленную фразу, дал задний ход. В конце концов он пробормотал:

– Сэр, я имею честь знать вашего сына Луиса.

– О да, – кивнул отец. – Он сейчас в Санта-Монике.

Очевидно, название было незнакомо Эдвину М. Стэнтону, он умолк и застыл в растерянности. Рядом со мной чертыхнулся Мори, меня же эта ситуация безумно смешила. Вот он, его симулякр, стоит на крыльце, как неопытный коммивояжер, не умеющий подобрать слова.

Однако, надо признать, картина была замечательная: два пожилых джентльмена, стоящие друг перед другом. Стэнтон, в своей старомодной одежде и с раздвоенной бородкой, выглядел не намного старше моего отца. Два патриарха в синагоге, подумалось мне. Наконец отец вспомнил о приличиях:

– Не желаете зайти?

Он отступил в сторону, и симулякр проследовал внутрь. Дверь захлопнулась. Освещенная лужайка перед домом опустела.

– Ну, что скажешь? – усмехнулся я.

Мори промолчал. Мы прошли в дом и застали там следующую мизансцену: мама и Честер смотрели телевизор. Стэнтон, чинно сложив руки на коленях, сидел на диване в гостиной и беседовал с моим отцом.

– Папа, – обратился я к нему, – ты попусту тратишь время, разговаривая с этой штукой. Знаешь, что это? Примитивная машина, вещь, на которую наш Мори выкинул шестьсот баксов.

Оба – и мой отец, и Стэнтон – умолкли и уставились на меня.

– Ты имеешь в виду этого почтенного джентльмена? – спросил отец, закипая праведным гневом. Он нахмурился и громко, отчетливо произнес: – Запомни, Луис, человек – слабый тростник, самая хрупкая вещь в природе. Чтобы погубить его, вовсе не требуется мощи всей вселенной, подчас достаточно одной капли воды. Но, черт побери, это мыслящий тростник!

Отец все больше заводился. Ткнув в меня указующим перстом, он прорычал:

– И если весь мир вознамерится сокрушить человека, знаешь, что произойдет? Ты знаешь? Человек проявит еще большее благородство! – Он резко стукнул по ручке кресла. – А знаешь почему, mein Kind?¹ Потому что ему известно: рано или поздно он умрет. И я тебе скажу еще одну вещь: у человека перед этой чертовой вселенной есть преимущество – понимание того, что происходит! Именно в этом – наше главное достоинство, – закончил отец, немного успокоившись. – Я хочу сказать: человек слаб, ему отведено мало места и пространства. Но зато Господь Бог даровал ему мозги, которые он может применять. Так кого же ты здесь назвал вещью? Это не вещь, это ein Mensch. Человек!

– Послушайте, я хочу рассказать вам одну шутку. – И отец принялся рассказывать какую-то длинную шутку, наполовину на английском, наполовину на идише. Когда он закончил, все улыбнулись, хотя Эдвин М. Стэнтон, на мой взгляд, – несколько натянуто.

Я постарался припомнить, что же мне доводилось читать о нашем госте. В памяти всплывали отрывочные сведения из времен Гражданской войны и периода реорганизации Юга. Эдвин М. Стэнтон был достаточно резким парнем, особенно в пору его вражды с Эндрю Джонсоном, когда пытался спихнуть президента посредством импичмента. Боюсь, он не оценил в полной мере анекдот моего отца, уж больно тот смахивал на шуточки, которые Стэнтон целыми днями выслушивал от Линкольна в бытность его советником. Однако остановить моего отца было невозможно, ведь недаром он являлся сыном ученика Спинозы, кстати, весьма известного. И хотя в школе бедный папа не продвинулся дальше седьмого класса, он самосто-

¹ Дитя мое (нем.).

ятельно перечитал кучу всевозможных книг и даже вел переписку со многими литературными деятелями всего мира.

– Сожалею, Джереми, – произнес Мори, когда отец перевел дух, – но Луис говорит правду.

Он направился к Эдвину М. Стэнтону, потянулся и щелкнул у него за ухом. Симулякр булькнул и застыл на манер манекена в витрине. Его глаза потухли, руки замерли и одеревенели. Картинка была еще та, и я обернулся, чтобы поглядеть, какой эффект это произвело на мое семейство. Даже Честер с мамой оторвались на миг от своего телевизора. Все переваривали зрелище. Если атмосфере этого вечера прежде и не хватало философии, то теперь настроение изменилось. Все посерьезнели. Отец даже подошел поближе, чтоб самолично осмотреть робота.

– Ой, гевальт!² – покачал он головой.

– Я могу снова включить его, – предложил Мори.

– Nein, das geht mir night³. – Отец вернулся на свое место и поудобнее уселся в своем легком кресле.

Затем он снова заговорил, и в его слабом голосе теперь слышалась покорность:

– Ну, как там дела в Вальехо? – В ожидании ответа он достал сигару «Антоний и Клеопатра», обрезал ее и прикурил. Это замечательные гаванские сигары ручного изготовления, и характерный аромат сразу же наполнил гостиную.

– Много продали органов и спинетов «Амадеус Глюк»? – хмыкнул отец.

– Джереми, – подал голос Мори, – спинеты идут как лемминги, чего не скажешь про органы.

Отец нахмурился.

– У нас было совещание на высшем уровне по этому поводу, – продолжил Мори. – Выявились некоторые факты. Видите ли, розеновские электроорганы...

– Погоди, – прервал его мой отец. – Не спеши, Мори. По эту сторону железного занавеса органы Розена не имеют себе равных.

Он взял с кофейного столика месонитовую плату, одну из тех, на которых устанавливаются резисторы, солнечные батарейки, транзисторы, провода и прочее.

– Я поясню принципы работы нашего электрооргана, – начал он. – Вот здесь цепи микророзадержки...

– Не надо, Джереми. Мне известно, как работает орган, – прервал его Мори. – Позвольте мне закончить.

– Ну, валяй. – Отец отложил в сторону месонитовую плату, но прежде, чем Мори открыл рот, договорил: – Но если ты надеешься выбить краеугольный камень нашего бизнеса только на том основании, что сбыт органов временно – заметь, я говорю это обоснованно, на основе личного опыта – так вот, временно снизился...

– Послушайте, Джереми, – выпалил мой компаньон, – я предлагаю расширение производства.

Отец приподнял бровь.

– Вы, Розены, можете и впредь производить свои органы, – сказал Мори, – но я уверен: как бы они ни были хороши, объемы продаж будут и дальше снижаться. Нам нужно нечто совершенно новое. Подумайте, Хаммерштайн со своим тональным органом плотно забил рынок, и мы не сможем с ним конкурировать. Так что у меня другое предложение.

Отец слушал внимательно, он даже приладил свой слуховой аппарат.

² Ой, кошмар! (идиши) (Прим. ред.)

³ Нет, мне этого не надо (нем.).

– Благодарю вас, Джереми, – кивнул Мори. – Итак, перед вами Эдвин М. Стэнтон, симулякр. Уверяю вас, он ничуть не хуже того Стэнтона, что жил в прошлом веке. Вы и сами могли в этом убедиться сегодня вечером, беседуя с ним на разные темы. В чем ценность моего изобретения? Где его целесообразно использовать? Да прежде всего в образовательных целях. Но это еще цветочки, я сам начал со школ, а потом понял: симулякр дает гораздо больше возможностей. Это верная выгода, Джереми. Смотрите, мы выходим на президента Мендосу с предложением заменить их игрушечную войну грандиозным десятилетним шоу, посвященным столетию США. Я имею в виду юбилейный спектакль по поводу Гражданской войны. Мы, то есть фабрика Розена, обеспечиваем участников-симулякров для шоу. Да будет вам известно, что «симулякр» – собирательный термин латинского происхождения, означает «любой». Да-да, именно любой – Линкольн, Стэнтон, Джефф Дэвис, Роберт И. Ли, Лонгстрит, а с ними еще три миллиона рядовых вояк хранятся у нас на складе. И мы устраиваем спектакль, где участники по-настоящему сражаются. Наши сделанные на заказ солдаты рвутся в бой, не в пример этим второсортным наемным статистам, которые не лучше школьников, играющих Шекспира. Вы следите за моей мыслью? Чувствуете, какой масштаб?

Ответом ему было гробовое молчание. Что касается меня, то я вполне оценил масштаб.

– Через пять лет мы сможем поспорить с «Дженерал дайнамикс», – добавил Мори.

Мой отец смотрел на него, покуривая свою сигару.

– Не знаю, не знаю, Мори, – сказал он наконец, покачивая головой.

– Почему же нет? Объясните мне, Джереми, что не так?

– Мне кажется, временами тебя заносит. – В голосе отца слышалась усталость. Он вздохнул. – Или, может, это я старею?

– Да уж, не молодеете. – Мори выглядел расстроенным и подавленным.

– Может, ты и прав. – Отец помолчал немного, а затем проговорил, как бы подводя черту: – Нет, твоя идея чересчур грандиозна, Мори. Мы не дотягиваем до подобного величия. Слишком сокрушительным грозит оказаться падение с такой высоты, *nicht wahr?*⁴

– С меня довольно вашего немецкого, – проворчал Мори. – Если вы не одобряете мое предложение, что ж, дело ваше... Но для меня уже все решено. Я за то, чтоб двигаться вперед. Вы знаете, в прошлом у меня не раз рождались идеи, которые приносили нам прибыль. Так вот поверьте, эта – самая лучшая! Время не стоит на месте, Джереми. И мы должны идти в ногу с ним.

Мой отец печально продолжал курить сигару, погруженный в свои мысли.

⁴ Не правда ли? (нем.)

Глава 3

Все еще надеясь переубедить моего отца, Мори оставил у него Стэнтон – так сказать, на консигнацию⁵, – а мы покатали обратно в Орегон. Дело близилось к полуночи, и Мори предложил переночевать у него. Настроение у меня после разговора с отцом было поганое, так что я с радостью согласился. Мне вовсе не улыбалась перспектива провести остаток ночи в одиночестве.

Однако в доме Мори меня ждал сюрприз: его дочь Прис, оказывается, уже выписалась из клиники в Канзас-Сити, куда она была помещена по настоянию Федерального бюро психического здоровья.

Я знал от Мори, что девочка перешла под наблюдение этой организации на третьем году средней школы, когда ежегодная плановая проверка обнаружила у нее тенденцию к «нарастанию сложностей», как теперь это называется у психиатров. Или, попросту говоря, к шизофрении.

– Пойдем, она поднимет тебе настроение, – сказал Мори, заметив мою нерешительность у двери. – Это как раз то, что нужно нам обоим. Прис так выросла с тех пор, как ты видел ее в последний раз, – совсем взрослая стала. Ну, входи же!

Он за руку ввел меня в дом.

Прис, одетая в розовые бриджи, сидела на полу в гостиной. Она заметно похудела с нашей последней встречи, прическа также изменилась – стала намного короче. Ковер вокруг был усеян разноцветной кафельной плиткой, которую Прис аккуратно расщелкивала на правильные кусочки при помощи кусачек с длинными ручками. Увидев нас, она вскочила:

– Пойдем, я покажу тебе кое-что в ванной.

Я осторожно последовал за ней.

Всю стену ванной комнаты занимала мозаика – там красовались разнообразные рыбы, морские чудовища, обнаружилась даже одна русалка. Все персонажи были выполнены в совершенно невообразимой палитре. Так, у русалки оба соска оказались ярко-красными – два алых пятнышка на груди. Впечатление было одновременно интригующим и отталкивающим.

– Почему бы тебе не пририсовать светлые пузырьки к этим соскам? – сказал я. – Представляешь,ходишь в сортир, включаешь свет – а там блестящие пузырьки указывают тебе дорогу!

Очевидно, эта цветовая оргия являлась результатом восстановительной терапии в Канзас-Сити. Считалось, что психическое здоровье человека определяется наличием созидательной деятельности в его жизни. Десятки тысяч граждан находились под наблюдением Бюро в качестве пациентов клиник, разбросанных по всей стране. И все они непременно были заняты шитьем, живописью, танцами или переплетными работами, изготовлением поделок из драгоценных камней или кройкой театральных костюмов. Практически все эти люди находились там не по доброй воле, а согласно закону. Многие, подобно Прис, были помещены в клинику в подростковом возрасте, когда обостряются психические заболевания.

Надо думать, состояние Прис в последнее время улучшилось, иначе бы ее просто не выпустили за ворота клиники. Но, на мой взгляд, она все еще выглядела довольно странно. Я внимательно разглядывал ее, пока мы шли обратно в гостиную. Маленькое суровое личико с заостренным подбородком, черные волосы, растущие ото лба характерным треугольником. По английским поверьям, это предвещает раннее вдовство. Вызывающий макияж под Арлекина – обведенные черным глаза и почти лиловая помада – делал ее лицо нереальным, каким-

⁵ Консигнация – форма комиссионной продажи товаров, при которой их владелец передает комиссионеру товар для продажи со склада комиссионера.

то кукольным. Казалось, оно прячется за странной маской, надетой поверх кожи. Худоба девушки довершала эффект – невольно на ум приходили жуткие создания, застывшие в Пляске Смерти. Кто их вызвал к жизни и как? Явно уж не при помощи обычного процесса метаболизма. Мне почему-то подумалось: наверное, эта девушка питалась одной только ореховой скорлупой. Кто-то мог бы, пожалуй, назвать ее хорошенькой, пусть и немного необычной. А по мне, так наш старина Стэнтон выглядел куда нормальнее, чем эта девица.

– Милая, – обратился к ней Мори, – мы оставили Эдвина М. Стэнтон в доме папы Луиса.

– Он выключен? – сверкнула глазами юная леди, этот огонь впечатлил и напугал меня.

– Прис, – сказал я, – похоже, твои врачи в клинике разрыли могилу с монстром, когда выпустили тебя.

– Благодарю. – На ее лице не отразилось никаких чувств. Этот ее абсолютно ровный тон был знаком мне еще по прежним временам. Никаких эмоций, даже в самых критических ситуациях – вот манера поведения Прис.

– Давай приготовим постель, – попросил я Мори, – чтоб я мог лечь.

Вдвоем мы разложили кровать в гостевой спальне, побросали туда простыни, одеяла и подушку. Прис не изъявила ни малейшего желания помочь, она попросту вернулась к своей черепице в гостиной.

– И как долго она работала над своей мозаикой? – спросил я.

– С тех пор, как приехала из клиники. Знаешь, первые две недели после возвращения она должна была постоянно показываться психиатрам в районном Бюро. Ее ведь фактически еще не выписали, сейчас она на пробной адаптационной терапии, своего рода свобода в кредит.

– Так ей лучше или хуже?

– Намного лучше. Я ведь никогда не рассказывал тебе, насколько плоха она была там, в старшей школе. Благодарение богу за Акт Макхестона! Я не знаю, что с ней было бы сейчас, если бы болезнь не обнаружили своевременно. Думаю, она разваливалась бы на части из-за параноидальной шизофрении или вообще превратилась в законченного гебефреника⁶. Так или иначе, пожизненное заключение в клинике ей было бы обеспечено.

– Она выглядит довольно странно, – сказал я.

– А как тебе нравится ее мозаика?

– Нельзя сказать, чтоб она украсила твой дом...

– Что ты понимаешь! – рассердился Мори.

– Я спросила, он выключен? – Прис стояла в дверях спальни. Выражение лица было недовольным и подозрительным, как будто она знала, что мы говорили о ней.

– Да, – ответил Мори. – Если только Джереми вновь не включил его, чтобы продолжить дискуссию о Спинозе.

– Интересно, насколько велик интеллектуальный багаж вашего протеже, – спросил я. – Если вы просто накачали кучу случайных сведений, боюсь, он ненадолго заинтересует моего отца.

Ответила мне Прис:

– Он знает все, что знал настоящий Эдвин М. Стэнтон. Мы исследовали его жизнь до мельчайших подробностей.

Я выставил их обоих за дверь, разделся и лег в постель. Мне было слышно, как Мори пожелал спокойной ночи дочери и поднялся к себе в спальню. Затем наступила тишина, нарушаемая лишь шелканьем в гостиной. Прис продолжала трудиться.

Где-то с час я лежал в постели, пытаюсь заснуть. Порой мне это удавалось, но назойливое «щелк-щелк» вновь возвращало меня к действительности. В конце концов, отчаявшись,

⁶ Гебефрения – юношеская форма шизофрении, протекающая с ребячливостью, дурашливой веселостью, кривлянием, бессмысленным шутловством.

я включил свет, снова оделся, пригладил волосы и вышел из комнаты. Прис сидела все в той же причудливой позе йога, как и два часа назад. Огромная куча нарезанных плиток громоздилась рядом.

– Я не могу заснуть при таком шуме, – пожаловался я.

– Плохо. – Она даже не подняла глаз.

– Я вроде бы как гость в вашем доме...

– Ты можешь пойти еще куда-нибудь.

– Я знаю, что это все символизирует. – Во мне невольно нарастало раздражение. – Кастрацию тысяч и тысяч мужчин. Стоило ли ради этого покидать клинику? Чтобы сидеть здесь ночь напролет и заниматься подобной ерундой!

– Я просто делаю мою работу.

– Какую еще работу? Рынок труда переполнен, детка. Ты никому не нужна.

– Меня это не пугает, я знаю, что уникальна. У меня уже есть предложение от компании, занимающейся обработкой Эмиграции. Там большой объем статистической работы.

– Ага, будешь сидеть и решать, кто из нас может улететь с Земли, а кто нет!

– Ошибаешься, это не для меня. Я не собираюсь быть рядовым бюрократом. Ты слышал когда-нибудь о Сэме К. Барроузе?

– Нет, – ответил я, хотя имя показалось мне смутно знакомым.

– О нем была статья в «Лук». В возрасте двадцати лет он ежедневно вставал в пять утра, съедал миску размоченного чернослива и пробегал две мили по улицам Сиэтла. Затем возвращался домой, чтобы принять холодный душ, побриться, и уходил изучать свои книги по юриспруденции.

– Так он юрист?

– Уже нет, – ответила Прис. – Посмотри сам, вон там, на полке, копия журнала.

– Какое мне дело до этого? – проворчал я, но все же отправился, куда она мне указала. Действительно, на обложке красовалась фотография мужчины с подписью:

**СЭМ К. БАРРОУЗ, САМЫЙ ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ
МУЛЬТИМИЛЛИОНЕР АМЕРИКИ**

Статья была датирована 18 июня 1981 года, то есть информация довольная свежая. Фотограф и впрямь захватил момент, когда Сэм Барроуз совершал утреннюю пробежку по одной из центральных улиц Сиэтла. Серая футболка, шорты цвета хаки и совершенно невыразительные глаза. Как камешки, наклепленные на лицо снеговика. Очевидно, широкая, на все лицо, улыбка призвана была компенсировать недостаток эмоций.

– Ты, наверное, видел его по телевизору, – сказала Прис.

– Точно, видел.

Я и в самом деле припомнил, что где-то с год назад видел Барроуза по «ящику», и тогда он произвел на меня самое неприятное впечатление. Перед глазами встали кадры интервью, когда он, близко склонившись к микрофону, что-то очень быстро и невнятно бубнил.

– И почему ты хочешь работать на него? – спросил я.

– Сэм К. Барроуз – величайший биржевик из всех живущих ныне на Земле, – ответила Прис. – Подумай об этом.

– Наверное, именно поэтому мы все и бежим с нашей планеты, – заметил я. – Все риелторы вынуждены сваливать, потому что здесь стало нечего продавать. Тьма народу, и ни клочка свободной земли.

И тут я вдруг вспомнил: Сэм К. Барроуз участвовал в земельных спекуляциях на государственном уровне. Посредством ряда успешных и вполне законных сделок ему удалось получить от правительства Соединенных Штатов разрешение на частные земельные владения на других планетах. Именно он собственноручно открыл дорогу на Луну, Марс и Венеру тем сот-

ням хищников, которые сейчас с азартом рвали на части эти планеты. Да уж, имя Сэма К. Барроуза навечно войдет в историю.

– Так ты, значит, собираешься работать на человека, который умудрился загадить далекие девственные миры, – констатировал я.

Его маклеры, сидя в своих офисах по всей Америке, налево и направо торговали разрекламированными участками на Луне.

– Далекие девственные миры! – скривилась Прис. – Не более чем агитационный слоган консерваторов.

– Но правдивый слоган, – парировал я. – Послушай, давай разберемся. Предположим, ты купила их участок. И что бы ты с ним делала? Как жила бы там? Без воздуха, без воды, без тепла...

– Все это можно обеспечить, – заявила Прис.

– Но как?

– Это именно то, что делает Барроуза великим, – принялась она объяснять, – его предусмотрительность. Предприятия Барроуза, работающие день и ночь...

– Жульнические предприятия, – вставил я.

Прис заткнулась, и воцарилось напряженное молчание. Я попробовал зайти с другой стороны:

– А ты когда-нибудь говорила с самим Барроузом? Поверь мне, одно дело создавать себе героя из парня, чья рожа светится с обложек журнала, и совсем другое – выбор работы. Я все понимаю: ты юная девушка, это так естественно – идеализировать человека, который открыл дорогу на Луну и все такое. Но подумай, ведь речь идет о твоём будущем!

– На самом деле я послала запрос в одну из его контор, – сказала Прис. – И указала, что настаиваю на личной встрече с Барроузом.

– Думаю, они рассмеялись тебе в лицо.

– Нет, они отправили меня в его офис. Он целую минуту сидел и слушал меня. Затем, естественно, вернулся к другим делам, а меня переадресовал к менеджеру по персоналу.

– И что же вы обсудили за эту минуту?

– Я просто смотрела на него, а он смотрел на меня. Ты же никогда не видел его в реальной жизни. А он невероятно привлекателен...

– На экране он был похож на ящерицу.

– Затем я сказала, что в качестве его секретарши могла бы ограждать его от домогательств тех бездельников, которые попусту тратят чужое время. Знаешь, я ведь умею быть жесткой. Это просто – включил-выключил. И в то же время я никогда не прогоню нужного человека, который действительно пришел по делу. Понимаешь?

– А письма? Ты умеешь вскрывать письма?

– Для этого есть машины.

– Это, кстати, то, чем занимается твой отец в нашей компании.

– Я в курсе. И именно поэтому я никогда не стала бы работать у вас. Вы так малы, что почти и не существуете. Нет, я не смогла бы заниматься письмами или другой рутинной работой. Но я тебе скажу, что я могу. Знаешь, ведь идея создания этого симулякра, Эдвина М. Стэнтона, принадлежит мне.

Что-то кольнуло меня в сердце.

– Мори это даже не пришло бы в голову, – продолжала Прис. – Банди – другое дело, он гений в своей области. Но, к несчастью, это идиот, чей мозг подточен гебефренией. Стэнтона сконструировала я, а он только построил. Согласись, это несомненный успех, то, чего мы добились. И нам не понадобились для этого никакие кредиты. Простая и приятная работа, как вот эта.

Она снова вернулась к своим ножницам.

- Креативная работа.
- А что делал Мори? Шнурки у него на ботинках завязывал?
- Мори был организатором. А также занимался снабжением всего предприятия.

Меня преследовало ужасное чувство, что Прис говорит правду. Можно было бы, конечно, все проверить у Мори, но к чему? Я и так знал, что эта девочка абсолютно не умеет лгать. Здесь она, скорее всего, пошла в мать. Которую я, кстати, совсем не знал. Они развелись еще до того, как мы с Мори встретились и стали партнерами. Обычное дело – неполная семья.

- А как идут твои сеансы с психоаналитиком?
- Отлично. А твои?
- Мне они не нужны.
- Вот здесь ты ошибаешься, – улыбнулась Прис. – Не стоит прятать голову в песок, Луис.

Ты болен не меньше меня.

- Ты не могла бы прерваться со своим занятием? Чтоб я мог пойти и заснуть.
- Нет, – ответила она. – Я хочу сегодня закончить с этим осьминогом.
- Но если я не посплю, у меня будет спад. Я просто вырублюсь.
- И что?

- Ну пожалуйста, – попросил я.
- Еще два часа. – Прис была неумолима.

– Скажи, а все, вышедшие из клиники, такие как ты? – поинтересовался я. – Молодое поколение, так сказать, наставленное на путь истинный. Неудивительно, что у нас эта проблема с продажей органов.

- Каких органов? – пожала плечами Прис. – Лично у меня все органы на месте.
- Наши органы электронные.
- Только не мои. У меня все из плоти и крови.

– И что из того? По мне, так лучше бы они были электронные, глядишь, тогда б ты сама отправилась в постель и предоставила такую возможность гостю.

– Ты не мой гость. Позволь напомнить: тебя пригласил мой отец. И кончай толковать о постели, или я сама это сделаю. Знаешь, я ведь могу сказать отцу, что ты гнусно приставал ко мне. Это положит конец вашему «Объединению МАСА», а заодно и твоей карьере. Тогда проблема органов, неважно – натуральных или электронных, перестанет волновать тебя. Так вот, приятель, давай вали в свою постель и радуйся, что у тебя нет более важных поводов для беспокойства. – И Прис возобновила свое щелканье.

Мне нечего было ответить, так что после минутного раздумья я поплелся в свою комнату.

О боже, подумал я, Стэнтон, по сравнению с этой девчонкой, просто образец теплоты и дружелюбия!

При этом, очевидно, она не испытывает никакой враждебности по отношению ко мне. Скорее всего, Прис даже не понимает, что как-то обидела или ранила меня. Просто она хочет продолжить свою работу, вот и все. С ее точки зрения, ничего особого не произошло. А мои чувства ее не интересуют.

Если б она действительно недолюбливала меня... Хотя о чем я говорю? Вряд ли это понятие ей доступно. Может, оно и к лучшему, подумал я, запирая дверь спальни. Симпатии, антипатии – это для нее чересчур человеческие чувства. Она видела во мне просто нежелательную помеху, нечто, отвлекающее от дела во имя пустопорожних разговоров.

В конце концов я решил: ее проблема в том, что она мало общалась с людьми вне клиники. Скорее всего, она их воспринимает сквозь призму собственного существования. Для Прис люди важны не сами по себе, а в зависимости от их воздействия на нее – позитивного или негативного...

Размышляя таким образом, я снова попытался устроиться в постели: вжался одним ухом в подушку, а другое накрыл рукой. Так шум был чуть меньше, но все равно я слышал щелканье ножиц и звук падающих обрезков – один за другим, и так до бесконечности.

Мне кажется, я понимал, чем привлек эту девочку Сэм К. Барроуз. Они – птицы одного полета, или, скорее, ящерицы одного вида. Тогда, слушая его в телевизионном шоу, и теперь, разглядывая обложку журнала, я все не мог отделаться от впечатления, что с черепа мистера Барроуза аккуратно спилили верхушку, вынули часть мозга, а вместо него поместили некий приборчик с сервоприводом, ну знаете, такую штуку с кучей реле, соленоидов и системой обратной связи, которой можно управлять на расстоянии. И вот Нечто сидит там, наверху, касается клавиш и наблюдает за судорожными движениями жертвы. Но как все же странно, что именно эта девушка сыграла решающую роль в создании такого правдоподобного симулякра! Как будто подобным образом она пыталась компенсировать то, что не давало ей покоя на подсознательном уровне, – зияющую пустоту внутри себя, в некоторой мертвой точке, которой не полагалось пустовать...

На следующее утро мы с Мори завтракали в кафе, неподалеку от офиса МАСА. Мы сидели вдвоем в кабинке, и я завел разговор:

– Послушай, и все же, насколько твоя дочь сейчас больна? Ведь если она все еще находится под опекой чиновников из Бюро психического здоровья, то она должна...

– Заболевания, аналогичные этому, окончательно не излечиваются, – ответил Мори, потягивая апельсиновый сок. – Это на всю жизнь. Процесс идет с переменным успехом, то улучшаясь, то снова скатываясь к сложностям.

– Если бы сейчас Прис подвергли тесту пословиц Бенджамина, ее бы снова классифицировали как шизофреника?

– Думаю, тест пословиц здесь вряд ли понадобился бы, – задумчиво сказал Мори. – Скорее, они использовали бы советский тест Выгодского – Лурье, тот самый, с раскрашенными кубиками. Мне кажется, ты не понимаешь, насколько минимальны ее отклонения от нормы. Если вообще тут можно говорить о норме.

– Я в школе проходил тест пословиц – тогда это было непременным условием соответствия норме. Ввели его, наверное, года с семьдесят пятого, а в некоторых штатах еще раньше.

– Судя по тому, что мне говорили в Касанинской клинике при выписке, сейчас она не считается шизофреником. У нее было такое состояние примерно года три, в средней школе. Специалисты проделали определенную работу по интеграции личности Прис, и нам удалось вернуться к точке, на которой она находилась примерно в двенадцать лет. Ее нынешнее состояние не является психотическим, а следовательно, не подпадает под действие Акта Макхестона. Так что девочка вольна свободно перемещаться куда захочет.

– А мне кажется, она невротик.

– Нет, у нее то, что называют атипичным развитием личности или же скрытым или пограничным психозом. В принципе, это может развиться в навязчивый невроз или даже полноценную шизофрению, которую ставили Прис на третьем году средней школы.

Пока мы поглощали завтрак, Мори рассказал мне, как развивалось заболевание Прис. Она изначально была замкнутым ребенком, как это называют психиатры – инкапсулированным, или интровертом. Характерной чертой такого характера являются всевозможные секреты, ну знаете, типа девичьих дневников или тайников в саду. Затем, где-то в девятилетнем возрасте, у нее появились ночные страхи, причем это прогрессировало настолько бурно, что к десяти годам она превратилась в лунатика. В одиннадцать Прис заинтересовалась естественными науками, особенно химией. Она посвящала этому все свое свободное время, соответственно, друзей почти не имела. Да они ей были и не нужны.

Настоящая беда разразилась в старшей школе. Прис стала испытывать серьезные трудности в общении: для нее было невыносимо войти в общественное помещение, например класс-

ную комнату или даже салон автобуса. Стоило дверям захлопнуться за ее спиной, как девочка начинала задыхаться. К тому же она не могла есть на людях. Она могла исторгнуть съеденное, если хотя бы один человек наблюдал за ней. И при этом у нее стала развиваться неимоверная чистоплотность. Вещи вокруг нее должны были находиться строго на своих местах. С утра до вечера она бродила по дому, неустанно все намывая и начищая. Не говоря уж о том, что она мыла руки по десять-пятнадцать раз кряду.

– К тому же, – добавил Мори, – она начала страшно полнеть. Помнишь, какой она была крупной, когда ты ее в первый раз увидел? Затем она села на диету, стала буквально морить себя голодом, чтобы сбросить вес. И это все еще продолжается. У нее постоянно то один, то другой продукт под запретом. Даже сейчас, когда она уже похудела.

– И вам понадобился тест пословиц, чтобы понять, что у ребенка не все в порядке с головой! Какого черта ты мне тут рассказываешь!

– Наверное, мы занимались самообманом, – пожал плечами Мори. – Говорили себе, что девочка просто невротик, ну там, фобии всякие, ритуалы и прочее...

Но больше всего Мори доставало, что его дочь в какой-то момент стала терять чувство юмора. Взамен славной дурочки, то хихикающей, то глупо-сентиментальной, какой Прис была прежде, появилось некое подобие калькулятора. И это еще не все. Раньше девочка была очень привязана к животным, но во время пребывания ее в клинике выяснилось, что Прис терпеть не может кошек и собак. Она по-прежнему увлечена химией, и с профессиональной точки зрения это радовало Мори.

– А как протекает ее восстановительная терапия здесь, дома?

– Они поддерживают ее на стабильном уровне, не давая откатываться назад. Правда, у нее все еще сильная склонность к ипохондрии, и она часто моет руки. Но я думаю, это на всю жизнь. Конечно же, она по-прежнему очень скрытная и скрупулезная. Я тебе скажу, как это называется в психиатрии – шизоидный тип. Я видел результаты теста Роршаха – ну знаешь, с чернильными кляксами, – который проводил доктор Хорстовски... – Мори помолчал немного и пояснил: – Это региональный доктор по восстановительной терапии здесь, в Пятом округе. Он отвечает за психическое здоровье в местном Бюро. Говорят, Хорстовски очень хорош. Но дело в том, что у него частная практика, и это стоит мне чертову уйму денег.

– Куча людей платит за то же самое, – уверил я его. – Если верить телевизионной рекламе, ты не одинок. Я вот все думаю, как же это так? У них получается, что каждый четвертый является пациентом клиник Бюро психического здоровья!

– Клиники меня не волнуют, поскольку они бесплатны. А вот что меня убивает, так это дорогостоящая восстановительная диспансеризация! Это ведь была ее идея вернуться домой, я-то продолжаю думать, что ей лучше оставаться в клинике. Но девочка бросилась с головой в разработку симулякра. А в свободное от этого время она выкладывала свою мозаику в ванной комнате. Она постоянно что-то делает, не знаю, откуда у нее берется столько энергии?

– Я просто диву даюсь, когда припоминаю всех своих знакомых, ставших жертвами психических заболеваний. Моя тетюшка Гретхен – она сейчас в Сетевой клинике Гарри Салливана в Сан-Диего. Мой кузен Лео Роджес. Мой учитель английского в старшей школе, мистер Хаскинс. А еще старый итальянец, пенсионер Джордже Оливьери, тот, что живет дальше по улице. Я помню своего приятеля по службе, Арта Боулза: он сейчас в клинике Фромм-Рейчмана в Рочестере с диагнозом «шизофрения». И Элис Джонсон, девушка, с которой я учился в колледже, она – в клинике Сэмюэла Андерсона Третьего округа. Это где-то в Батон-Руж, штат Луизиана. Затем человек, с которым я работал, Эд Йетс – у него шизофрения, переходящая в паранойю. И Уолдо Дангерфилд, еще один мой приятель. А также Глория Мильштейн, девушка с огромными, как дыни, грудями. Она вообще бог знает где. Ее зацепили на персональном тесте, когда она собиралась устроиться машинисткой. Федералы вычислили и заграбастали ее – и где теперь эта Глория? А ведь она была такой хорошенькой... И Джон Фран-

клин Манн, торговец подержанными автомобилями, которого я когда-то знал. Ему поставили шизофрению в заключительной стадии и увезли, кажется, в Касанинскую клинику – у него родственники где-то в Миссури. И Мардж Моррисон, еще одна девушка с гебефренией, которая всегда приводила меня в ужас. Думаю, сейчас она на свободе, я недавно получил от нее открытку. И Боб Аккерс, мой однокашник. И Эдди Вайс...

– Нам пора идти, – Мори поднялся.

Мы покинули кафе.

– Тебе знаком Сэм Барроуз? – спросил я.

– Еще бы. Не лично, конечно, понаслышке. По-моему, это самый отъявленный негодяй из всех, кого я знаю. Он готов заключать пари по любому поводу. Если б одна из его любовниц – а с ними отдельная история, – так вот, если б одна из его любовниц выбросилась из окна гостиницы, он бы тут же поспорил: чем она грохнется на асфальт – головой или задом. Он похож на спекулянтов былых времен – знаешь, тех финансовых акул, что стояли у истоков нашей экономики. Для него вся жизнь – сплошная авантюра. Я просто восхищаюсь Барроузом!

– Так же как и Прис.

– Прис? Черта с два – она обожает его! Знаешь, она ведь встречалась с ним. Посмотрела на него и поняла, что это – судьба. Он гальванизирует ее... или магнетизирует, черт их там разберет. Недельку после этого она вообще не разговаривала.

– Это когда она ходила устраиваться на работу?

Мори покачал головой:

– Она не получила работы, но проникла в его святая святых. Луис, этот парень чувствует выгоду за версту там, где никто другой ничего не нарыл бы и за миллион лет! Ты бы как-нибудь заглянул в «Форчун», они давали обзор по Барроузу за последние десять месяцев.

– Насколько я понял, Прис закинула удочку насчет работы у него?

– О да, и намекнула, что она – крайне ценный человек, только никто об этом не знает. Надеется найти понимание у своего кумира... Заявила ему, что она – крутой профессионал. Так или иначе, мне она сказала, что, работая на Барроуза, она сделает головокружительную карьеру и ее будет знать весь мир. Насколько я понимаю, Прис не собирается отступать от своей затеи и готова пойти на все, только б получить работу. Что ты скажешь на это?

– Ничего, – ответил я.

Прис не пересказывала мне эту часть разговора. Помолчав, Мори добавил:

– Ведь Эдвин М. Стэнтон являлся ее идеей.

Значит, она говорила правду. Мне стало совсем погано.

– Это она решила сделать именно Стэнтон?

– Нет, – ответил Мори. – Это было моим предложением. Она-то хотела, чтоб он походил на Барроуза. Однако у нас было недостаточно информации для системы текущего управления монадой, так что мы обратились к историческим персонажам. А я всегда интересовался Гражданской войной – вот уже много лет это мой пунктик. И мы остановились на Стэнтоне.

– Ясно, – произнес я.

– И знаешь, она постоянно думает об этом Барроузе. Навязчивая идея, как говорит ее психоаналитик.

Размышляя каждый о своем, мы направились к офису «Объединения МАСА».

Глава 4

В офисе меня застал телефонный звонок. Это был Честер из Бойсе. Он вежливо напомнил об оставленном Эдвине М. Стэнтоне и просил забрать его, если, конечно, это возможно.

– Мы постараемся выкроить сегодня время, – пообещал я.

– Он сидит все там же, где вы его оставили. Сегодня утром папа включил его на несколько минут, чтобы проверить, есть ли какие новости.

– Какого рода новости?

– Ну, утренние новости. Типа сводки от Дэвида Бринкли.

Они ждали, что симулякр выдаст им новости. Таким образом, в данном вопросе семейство Розенов разделяло мою позицию: они воспринимали Стэнтон как некий механизм, а не человека.

– Ну и как? – поинтересовался я.

Новостей не оказалось.

– Он все толковал о какой-то беспримерной наглости полевых командиров.

Я повесил трубку, и мы помолчали, осмысливая услышанное.

– Может, Прис съездить и забрать его? – предложил Мори.

– А у нее есть машина? – спросил я.

– Пусть возьмет мой «ягуар». И пожалуй, лучше бы тебе поехать с ней. На тот случай, если твой папаша передумает.

Попозже Прис и в самом деле оказалась в офисе, и вскоре мы с ней катили в Бойсе.

Она сидела за рулем, и первое время мы молчали. Затем она подала голос:

– У тебя есть на примете кто-нибудь, кого б заинтересовал Эдвин М. Стэнтон?

– Нет, – удивился я. – А почему ты спрашиваешь?

– Зачем ты согласился на эту поездку? – продолжила она допрос. – Я уверена, у тебя имеются какие-то скрытые мотивы... они так и сквозят сквозь каждую твою пору. Если б это зависело от меня, я бы не подпустила тебя к Стэнтону ближе чем на сотню ярдов.

Прис не сводила с меня взгляда, и я чувствовал себя как под микроскопом.

– Почему ты не женат? – внезапно сменила она тему.

– Не знаю.

– Ты голубой?

– Нет!

– Может, не нашлось девушки, которая бы польстилась на тебя?

Внутренне я застонал.

– Сколько тебе лет?

Вопрос – вполне невинный сам по себе – в этой беседе, казалось, тоже таил какой-то подвох. Я пробурчал что-то невнятное.

– Сорок?

– Нет, тридцать четыре.

– Но у тебя седина на висках и такие смешные зубы.

Мне хотелось умереть.

– А какова была твоя первая реакция на Стэнтон?

– Я подумал: какой благообразный пожилой джентльмен.

– Ты сейчас лжешь, да?

– Да.

– А на самом деле что ты подумал?

– Я подумал: какой благообразный пожилой джентльмен, завернутый в газеты.

Прис задумчиво проговорила:

– Наверняка ты предвзято относишься к старым людям. Так что твое мнение не в счет.
– Послушай, Прис, ты доиграешься – когда-нибудь тебе разобьют голову! Ты отдаешь себе в этом отчет?

– А ты отдаешь себе отчет в том, что с трудом обуздываешь свою враждебность? Может, оттого что чувствуешь себя неудачником? Тебе, наверное, тяжело оставаться наедине с самим собой? Расскажи мне свои детские мечты и планы, и я...

– Ни за что. Даже за миллион долларов!

– Они столь постыдны? – Она по-прежнему внимательно изучала меня. – Ты занимался извращенным самоудовлетворением, как это описывается в пособиях по психиатрии?

Я чувствовал, что еще немного – и я упаду в обморок.

– Очевидно, я затронула очень болезненную для тебя тему, – заметила Прис. – Но не стоит стыдиться. Ты же больше этим не занимаешься, правда? Хотя... Ты не женат и не можешь нормальным образом решать свои сексуальные проблемы.

Она помолчала, как бы взвешивая, и вдруг спросила:

– Интересно, а как у Сэма с сексом?

– У Сэма Вогеля? Нашего водителя из Рино?

– У Сэма К. Барроуза.

– Ты одержимая, – сказал я. – Твои мысли, разговоры, мозаика в ванной – и еще этот Стэнтон...

– Мой симулякр – совершенство!

– Интересно, что бы сказал твой аналитик, если б знал?

– Милт Хорстовски? Он уже знает и уже сказал.

– Ну так поведай мне. Разве он не назвал твою затею разновидностью маниакального бреда?

– Нет. Он считает, что творческий процесс полезен для моей психики. Когда я рассказала про Стэнтона, доктор похвалил меня и выразил надежду, что мое изобретение окажется работоспособным.

– Очевидно, ты предоставила ему выборочную информацию.

– Да нет, я рассказала ему всю правду.

– О воссоздании Гражданской войны силами роботов!

– Да. Он отметил своеобразие идеи.

– Боже правый! Да они там все сумасшедшие!

– Все, – ухмыльнулась Прис. Она потянулась и взъерошила мне волосы. – Но только не старина Луис. Так ведь?

Я молчал.

– Ты слишком серьезно все воспринимаешь, – насмешливо протянула Прис. – Расслабься и получай удовольствие. Да куда тебе! Ты же ярко выраженный анализирующий тип с гипертрофированным чувством долга. Тебе следует хоть раз расслабить свои запирающие мышцы... смотри, как все связано. В душе тебе хочется быть плохим, это ведь тайное желание каждого человека анализирующего типа. С другой стороны, чувство долга требует выполнения обязанностей. Все это ведет к педантизму и перманентному пребыванию во власти сомнений. Вот так. У тебя ведь куча сомнений...

– Нет у меня сомнений. Только чувство абсолютного всепоглощающего ужаса.

Прис засмеялась и снова прикоснулась к моим волосам.

– Конечно, очень смешно, – огрызнулся я. – Мой всепоглощающий ужас – отличный повод для веселья.

– Это не ужас, – сухо сказала она. – Просто нормальное человеческое вожделение. Человеку естественно желать. Немного меня. Немного богатства. Немного власти. Немного славы.

Она свела два пальца почти вместе, чтобы продемонстрировать некое малое количество.

– Примерно вот столько. А в совокупности получается много. Вот тебе твои всепоглощающие чувства.

Прис улыбалась, явно довольная собой. Мы продолжали свой путь.

В Бойсе, в доме моего отца, мы упаковали нашего симулякра, погрузили его в машину и снова поехали в Онтарио. Там Прис высадила меня у офиса. На обратном пути мы мало разговаривали. Она снова замкнулась, меня же мучило чувство смутной тревоги и обиды. В то же время я подозревал, что мое состояние только забавляло Прис. Так что у меня хватило ума держать рот на замке.

Зайдя в офис, я обнаружил, что меня дожидается невысокая плотная женщина с темными волосами. Она была одета в короткое пальто и держала в руке кейс.

– Мистер Розен?

– Да. – У меня возникло неприятное предчувствие, что это судебный курьер.

– Я Колин Нилд из офиса мистера Барроуза. Он попросил меня заглянуть и побеседовать с вами, если у вас найдется свободная минутка. – Голос у нее был довольно низкий и какой-то неопределенный. Мне она напоминала чью-то племянницу.

– А что, собственно, мистеру Барроузу нужно? – с опаской поинтересовался я, предлагая даме стул. Сам я уселся напротив.

– Мистер Барроуз поручил мне изготовить копию вот этого письма к мисс Прис Фраунциммер и вручить ее вам. – С этими словами она достала три тонких гладких листка.

Я не мог четко разглядеть, что там было напечатано, но, несомненно, письмо носило деловой характер.

– Вы ведь представляете семейство Розенов из Бойсе, которое предполагает производить симулякры? – осведомилась Колин Нилд.

Пробежав глазами документ, я уловил снова и снова вылезающее имя Стэнтон. Не вызвало сомнений, что это – ответ на какое-то письмо Прис, написанное ранее. Однако общий смысл послания Барроуза упорно ускользал от меня, слишком уж оно было многословным.

Затем внезапно наступило просветление.

Я осознавал, что Барроуз неправильно понял Прис. Ее предложение воссоздать перипетии Гражданской войны при помощи наших симулякров он воспринял как некую гражданскую инициативу патриотического характера. Этаким жест доброй воли, направленный на усовершенствование системы образования. Может, рекламная акция, но никак не деловое предложение. Вот чего добились эта девчонка! Я еще раз перечел полученный ответ: Барроуз благодарил мисс Фраунциммер за ценную идею, предложенную его вниманию... однако, говорилось далее, он ежедневно получает подобные предложения, в данный момент у него на руках уже немало интересных проектов... в некоторых он принимает посильное участие. Например, он затратил немало усилий на запрещение строительства дороги, проходящей через жилой район времен войны где-то в Орегоне... далее письмо становилось таким расплывчатым, что я и вовсе потерял нить рассуждений.

– Могу я оставить это у себя? – спросил я у мисс Нилд.

– Конечно, – любезно ответила она. – И если у вас есть какие-то комментарии, мистер Барроуз будет счастлив с ними ознакомиться.

– Сколько лет вы работаете на мистера Барроуза?

– Восемь лет, мистер Розен. – Казалось, этот факт делал ее абсолютно счастливой.

– Он действительно миллионер, как утверждают газеты?

– Полагаю, что так, мистер Розен. – Ее карие глаза блеснули за стеклами очков.

– Насколько хорошо он обращается со своими сотрудниками?

Вместо ответа мисс Нилд улыбнулась.

– А что это за история с жилым районом, которая упоминается в письме? Кажется, Грин-Пич-Хэт?

– Да, именно так. Это один из крупнейших многоблочных жилых массивов на северо-западном побережье Тихого океана. Его официальное название – «Небесные Врата Милосердия», но мистер Барроуз предпочитает то, что указано в письме. Хочу заметить: изначально наши противники вкладывали в это название издевку, в то время как мистер Барроуз использует его, чтобы защитить граждан, проживающих в том районе. И люди ценят его заботу. Они подготовили петицию с благодарностью мистеру Барроузу за его участие в этом многотрудном деле. Там почти две тысячи подписей.

– Я так понимаю, жители района не хотят, чтоб его сносили?

– О да, они горячо поддерживают нас. Проблему создает некая группа доброхотов, в основном из домохозяек и светских людей, которые присвоили себе функции ходатаев по данному делу. Они добиваются передачи земли под сельский клуб или что-то в этом роде. Называет себя эта группа «Товарищество граждан Северо-Запада за улучшенную застройку», их лидер – миссис Деворак.

Я припомнил то, что читал об этой даме в орегонских газетах: достаточно высокое положение в светских кругах, всегда в центре событий. Ее фотография регулярно появлялась на первых страницах модных журналов.

– А почему мистер Барроуз хочет спасти этот участок застройки?

– Он не желает мириться с фактом ущемления прав американских граждан. Ведь большинство из них бедные люди, им некуда идти отсюда. Мистер Барроуз прекрасно понимает их чувства, поскольку сам многие годы жил в подобных условиях... вы ведь знаете – его семья была не бог весть как богата. И свое благосостояние он обеспечил себе сам, годами упорного труда.

– Да, – сказал я.

Мисс Нилд, казалось, ждала продолжения, поэтому я добавил:

– Замечательно, что, несмотря на все свои миллионы, он сохраняет связь с рабочим классом Америки.

– Хотя мистер Барроуз сделал свое состояние на крупной недвижимости, он прекрасно понимает, как трудно рядовому американцу обеспечить себе пусть маленькое, но достойное жилье. В этом его отличие от великосветских дам, подобных Сильвии Деворак. Для них Грин-Пич-Хэт – это всего лишь кучка старых домов. Они же никогда там не бывали, более того, им и в голову такое не придет!

– Знаете, – сказал я, – то, что вы рассказываете о мистере Барроузе, вселяет в меня надежду на сохранение нашей цивилизации.

Миссис Нилд одарила меня теплой, почти неофициальной улыбкой.

– А что вам известно об этом электронном симулякре Стэнтоне? – задал я вопрос.

– Я знаю, что он существует. Мисс Фраунциммер сообщала об этом и в письме, и в телефонном разговоре с мистером Барроузом. Также мне известно, что мисс Фраунциммер хочет отправить его одного, без сопровождения, на грэйхаундовском автобусе в Сиэтл, где в настоящий момент находится мистер Барроуз. По ее мнению, это должно наглядно продемонстрировать способность симулякра раствориться в толпе, не привлекая ничьего внимания.

– Забавно, если принять во внимание его костюмчик и раздвоенную бороду.

– Меня не информировали об этом моменте.

– Не исключено, что симулякр затеет спор с водителем автобуса о кратчайшем маршруте от автовокзала до офиса мистера Барроуза. Это станет дополнительным доводом в пользу его человечности.

– Я обсужу данный вопрос с мистером Барроузом, – пообещала Колин Нилд.

– Позвольте еще спросить: вы знакомы с электроорганом Розена или, может быть, со спинет-пианино?

– Не уверена.

– Фабрика Розенов в Бойсе производит самые лучшие из всех существующих электро-органов. Хаммерштайновский тональный орган по сравнению с нашим – не более чем слегка видоизмененная флейта.

– К сожалению, я не имею такой информации, – призналась мисс – или, может быть, миссис – Нилд. – Но я обязательно сообщу это мистеру Барроузу. Он всегда был ценителем музыки.

Я все еще сидел, погруженный в изучение письма Сэма К. Барроуза, когда мой партнер вернулся с ланча. Я показал ему бумагу.

– Значит, Барроуз пишет Прис. – Мори сосредоточенно изучал письмо. – Глядишь, из этого что-нибудь да выгорит... Как думаешь, Луис? Возможно же, что это не просто выдумка Прис? О боже, здесь ничего не понять... Ты можешь мне сказать, он заинтересовался или нет нашим Стэнтоном?

– Кажется, Барроуз ссылается на страшную занятость в связи с собственным проектом под названием Грин-Пич-Хэт.

– Я жил там, – сказал Мори, – в конце пятидесятых.

– Ну и как?

– Я скажу тебе, Луис, – сущий ад. Эту помойку следовало бы сжечь до основания. Спичка, одна только спичка спасла бы это место.

– Некоторые энтузиасты тебя бы с радостью поддержали.

– Если им нужен исполнитель для такого дела, – мрачно пробормотал Мори, – можешь предложить мою кандидатуру, я с радостью соглашусь. Это ведь собственность Барроуза, насколько я знаю.

– А...

– Собственно, он сделал на этом состояние. Один из самых выгодных бизнесов сегодня – сдача трущоб внаем. Получаешь в пять-шесть раз больше, чем вкладываешь. Тем не менее, полагаю, не стоит впутывать личные отношения в дела. Сэм Барроуз – смелый парень, как ни крути. Пожалуй, он лучший, кому бы мы могли доверить раскрутку наших симулякров. Хоть он и порядочный подонок... Но, ты говоришь, в письме он отказывается?

– Можешь позвонить ему и лично выяснить. Прис, кажется, уже звонила.

Мори взялся за телефон.

– погоди, – остановил я его.

Мори вопросительно поглядел на меня.

– У меня дурное предчувствие – это добром не кончится.

Мори пожал плечами и проговорил в трубку:

– Алло, я хотел бы поговорить с мистером Барроузом...

Я выхватил у него трубку и швырнул на рычаг.

– Ты... – Мори дрожал от гнева. – Трус!

Он снова поднял трубку и набрал номер.

– Прошу прощения, связь прервалась. – Он огляделся в поисках письма с номером телефона Барроуза.

Я скомкал листок и швырнул на пол. Мори выругался и снова дал отбой. Мы стояли, тяжело дыша и глядя друг на друга.

– Какая муха тебя укусила? – поинтересовался наконец Мори.

– Думаю, нам не стоит связываться с таким человеком.

– Каким «таким»?

– Если боги хотят погубить человека, они лишают его разума, – процитировал я.

Это, похоже, проняло Мори. Он смотрел на меня, смешно, по-птичьи склонив голову.

– Что ты хочешь сказать? – спросил он. – Считаешь меня психом, оттого что я звоню Барроузу? Бронируешь место в клинике? Что ж, может, ты и прав, но я сделаю это.

Он прошел через всю комнату, поднял и разгладил бумажку, запомнил номер и снова вернулся к телефону. С упрямым выражением лица стал накручивать диск.

– Нам конец, – констатировал я.

Ответом мне было молчание.

– Алло, – внезапно ожил Мори. – Я хотел бы поговорить с мистером Барроузом. Это Мори Рок из Онтарио, Орегон.

Пауза.

– Мистер Барроуз? Говорит Мори Рок. – Он скособочился, опираясь локтем на бедро, на лице застыла напряженная гримаса. – Мы получили письмо, сэр, к моей дочери Присцилле Фраунциммер... это по поводу нашего изобретения – электронного симулякра. Вы помните, совершенно очаровательный мистер Стэнтон, военный советник мистера Линкольна.

Снова пауза.

– Так вы заинтересованы в нем, сэр?

Пауза, гораздо длиннее, чем предыдущие.

«Нет, Мори, не надо продавать его», – заклинал я в душе своего партнера.

– Да, мистер Барроуз, я все понимаю, сэр, – бубнил Мори. – Но позвольте обратить ваше внимание... Боюсь, что вы недооцениваете...

Разговор тянулся до бесконечности долго. Наконец Мори распрощался с Барроузом и повесил трубку.

– Ничего не вышло?

– Ну... – промямлил он.

– Что он сказал?

– То же, что и в письме: он не рассматривает это как коммерческое предложение и продолжает считать нас организацией патриотического толка. – Мори выглядел растерянным. – Пожалуй, ты прав – ничего не выходит.

– Н-да, плохо.

– Может, оно и к лучшему.

Голос его звучал потерянно, однако я видел: Мори не сдался. Когда-нибудь он снова повторит свою попытку.

Никогда еще мы с моим партнером не были дальше друг от друга.

Глава 5

В последовавшие за этим две недели начали сбываться мрачные прогнозы Мори относительно спада в сбыте электроорганов – все наши грузовики возвращались ни с чем. Одновременно с этим хаммерштайновские менеджеры снизили цены – их тональные органы теперь стоили меньше тысячи. Естественно, не считая налогов и расходов на транспортировку. Но все равно мы приуныли...

Между тем драгоценный симулякр Стэнтон все еще оставался нашей головной болью. Мори пришла в голову идея устроить на улице демонстрационный павильон, где Стэнтон развлекал бы публику игрой на спинет-пианино. Заручившись моим согласием, он связался с подрядчиками, и работы по перепланировке первого этажа здания закипели. Тем временем Стэнтон помогал Мори разбирать корреспонденцию и выслушивал его бесконечные инструкции по поводу предстоящей демонстрации спинета. Он с возмущением отверг предложение Мори сбрить бороду и по-прежнему оживлял панораму наших коридоров видом своих седых бакенбард.

– Позже, – объяснил мне Мори в отсутствие своего протеже, – он будет демонстрировать самое себя. Сейчас я как раз в процессе окончательной доработки проекта.

Он пояснил, что планирует установить специальный модуль в участок мозга, отвечающий за стэнтоновскую монаду. Управление – элементарное, оно снимет в будущем почву для возникающих разногласий, как в случае с бакенбардами.

И все это время Мори занимался подготовкой второго симулякра. Он оккупировал одно из автоматизированных рабочих мест в нашей мастерской по ремонту грузовиков, и процесс сборки шел вовсю. В четверг мне было впервые дозволено ознакомиться с результатами его трудов.

– И кто же это будет на сей раз? – спросил я, с чувством глубокого сожаления озирая кучу соленоидов, прерывателей и проводов, загромоздивших алюминиевую плату.

Банди был весь поглощен процессом тестирования центральной монады: он воткнулся со своим вольтметром в самую середину проводов и сосредоточенно изучал показания прибора.

– Авраам Линкольн, – торжествующе объявил Мори.

– Ты окончательно спятил.

– Отнюдь, – возразил он. – Мне нужно нечто действительно грандиозное, чтобы произвести должное впечатление на Барроуза, когда мы встретимся с ним через месяц.

– О! – Я был сражен. – Ты ничего не говорил мне о своих переговорах.

– А ты думал, я сдался?

– Увы, – вынужден был признать я. – Для этого я слишком хорошо тебя знаю.

– Поверь, у меня чутье, – расцвел мой компаньон.

Назавтра, после нескольких часов мрачных раздумий, я полез в справочник в поисках телефона доктора Хорстовски, куратора Прис по восстановительной терапии. Его офис располагался в одном из самых фешенебельных районов Бойсе. Я позвонил и попросил о скорейшей встрече.

– Могу я узнать, по чьей рекомендации вы звоните? – поинтересовалась ассистентка.

– Мисс Присциллы Фраунциммер, – после колебания назвал я.

– Отлично, мистер Розен. Доктор примет вас завтра в половине второго.

На самом деле мне полагалось быть сейчас в пути, координируя работу наших грузовиков. Составлять карты, давать рекламу в газеты... Но со времени телефонного разговора Мори с Сэмом Барроузом я чувствовал себя как-то странно.

Возможно, это было связано с моим отцом. В тот самый день, когда он посмотрел на Стэнтона и осознал, что перед ним всего лишь хитроумная, смахивающая на человека машина,

он явно сдал. Вместо того чтобы ежедневно отправляться на фабрику, он теперь частенько оставался дома, часами глядя в телевизор. Отец сидел, сгорбившись, с озабоченным выражением лица, и его способности явно угасали.

Я пытался поговорить об этом с Мори.

– Бедный старикан, – отреагировал он. – Луис, мне неприятно констатировать данный факт, но Джереми явно сдает.

– Сам вижу.

– Он не сможет дальше тянуть лямку.

– И что, по-твоему, мне делать?

– Ты, как сын, должен уберечь его от перипетий рыночной войны. Потолкуй с матерью, с братом. Подберите ему подходящее хобби. Я не знаю, может, это будет сборка моделей аэропланов времен Первой мировой войны – типа «Спада» или фоккеровского триплана... Так или иначе, ради своего старого отца ты должен разобраться с этим. Разве не так, дружище?

Я кивнул.

– Это отчасти и твоя вина, – продолжал Мори. – Ты не помогал ему, а ведь когда человек стареет, ему нужна поддержка. Я не деньги имею в виду, черт возьми, ему нужна духовная поддержка.

На следующий день я отправился в Бойсе и в двадцать минут второго припарковался перед изысканным современным зданием, в котором помещался офис доктора Хорстовски.

Доктор встречал меня в холле. При взгляде на этого человека я сразу подумал о яйце. Доктор Хорстовски весь выглядел яйцеобразным: округлое тело, округлая голова, маленькие круглые очочки – ни одной прямой или ломаной линии. Даже его движения, когда он шел впереди меня в свой кабинет, были плавными и округлыми, словно мячик катился. Голос прекрасно гармонировал с внешним обликом хозяина – мягкий и вкрадчивый. Тем не менее, усевшись напротив доктора, я разглядел нечто, раньше ускользнувшее от моего внимания, – у него был жесткий и грубый нос. Создавалось неприятное впечатление, как будто на это мягкое и гладкое лицо приделали птичий клюв. Сделав это открытие, я внимательнее присмотрелся к своему собеседнику и в его голосе обнаружил те же жесткие, подавляющие нотки.

Доктор Хорстовски вооружился ручкой, разлинованным блокнотом и принялся задавать мне обычные нудные вопросы.

– И что же привело вас ко мне? – спросил он меня в конце концов.

– Видите ли, моя проблема следующего рода, – начал я. – Дело в том, что я являюсь владельцем небезызвестной фирмы «Объединение МАСА». И с недавних пор у меня сложилось некое противостояние с моим партнером и его дочерью. Мне кажется, они сговорились за моей спиной. Хуже того, их негативное отношение распространяется на все семейство Розенов, в особенности на моего далеко не молодого отца, Джереми. Они пытаются подорвать его авторитет, а он уже не в том возрасте и состоянии, чтобы противостоять подобным вещам.

– Простите, каким вещам?

– Я имею в виду намеренное и безжалостное разрушение розеновской фабрики спинетов и электроорганов, равно как и всей нашей системы розничной торговли музыкальными инструментами. Все это делается во имя безумной претенциозной идеи спасения человечества, победы над русскими или еще чего-то в таком роде... Честно говоря, я не очень хорошо разбираюсь в подобных вещах.

– Почему же вы не разбираетесь? – Его ручка противно поскрипывала.

– Да потому что все это меняется каждый день, – сказал я и замолчал, его ручка тоже замолкла. – Порой мне кажется: все это задумано, чтоб объявить меня недееспособным и прибрать к рукам весь бизнес, включая указанную фабрику. К тому же они снюхались с некоей одиозной личностью, Сэмом К. Барроузом из Сиэтла. Это невероятно богатый и могущественный человек, вы наверняка видели его на обложке журнала «Лук».

Я замолчал.

– Продолжайте, пожалуйста, – поощрил меня Хорстовски, но его голос звучал совершенно бесстрастно.

– Хочу добавить, что зачинщиком всего является дочь моего партнера – как мне кажется, крайне опасный и психически неуравновешенный человек. Это девица с железным характером, начисто лишенная угрызений совести. – Я выжидающе поглядел на доктора, но он никак не отреагировал на мое заявление. Тогда я добавил: – Ее зовут Прис Фраунциммер.

Доктор деловито кивнул.

– Что вы на это скажете? – поинтересовался я.

– Прис – динамичная личность. – Казалось, все внимание доктора было поглощено его записями, он даже язык высунул от старательности.

Я ждал продолжения, но так и не дождался.

– Вы думаете, это все мое воображение? – настаивал я.

– Каковы, по-вашему, их мотивы в данной ситуации? – задал он вопрос.

– Понятия не имею, – удивился я. – Мне кажется, разбираться в этом не мое дело. Черт возьми, они хотят толкнуть своего симулякра Барроузу и сделать на этом деньги, что же еще? Вдобавок заработать власть и престиж. Это их идея фикс.

– А вы стоите у них на пути?

– Именно.

– Скажите, а вы не разделяете их планы?

– Тешу себя надеждой, что я реалист. По крайней мере, стараюсь им быть. И все же, возвращаясь к этому Стэнтону: скажите, доктор, вы его видели?

– Прис как-то приводила его сюда. Он сидел в приемной, пока мы беседовали.

– И чем занимался?

– Читал «Лайф».

– Вас это не ужасает?

– Не думаю.

– Вас не пугает то опасное и неестественное, что планирует эта парочка – Мори и Прис?

Доктор пожал плечами.

– Господи! – с горечью воскликнул я. – Да вы просто не хотите ничего видеть! Сидите здесь, в своем теплом и безопасном кабинете, и не желаете знать, что происходит в мире.

На лице Хорстовски промелькнула самодовольная улыбка, что привело меня в бешенство.

– Так вот, доктор, – заявил я, – позвольте ввести вас в курс дела. Мой визит к вам – всего лишь злая шутка Прис. Именно она послала меня сюда, чтоб я разыграл этот маленький спектакль. К сожалению, я не могу продолжать в том же духе и вынужден признаться. На самом деле я такой же симулякр, как и Стэнтон. Машина, напшигованная реле и электросхемами. Теперь вы видите, насколько это жестоко, то, что она с вами проделала? И что вы скажете на это?

Прервав свои записи, Хорстовски внимательно посмотрел на меня и спросил:

– Вы, кажется, говорили, что женаты? В таком случае, как зовут вашу жену, где она родилась? Назовите также ее возраст и род занятий, пожалуйста.

– Я не женат. У меня была когда-то подруга, итальянка по национальности, которая пела в ночном клубе. Высокая, темноволосая девушка, довольно симпатичная. Ее звали Лукреция, но ей больше нравилось имя Мими. Не поверите, доктор, но мы с ней дрались. Позже она умерла от туберкулеза. Правда, это случилось уже после того, как мы расстались.

Хорстовски подробно все записал.

– Вы не хотите ответить на мой вопрос? – поинтересовался я.

Безнадежно. Если у доктора и создались какие-нибудь впечатления по поводу симулякра, сидящего в его приемной и занятого чтением «Лайф», то он не собирался сообщать их мне. А может, их и не было. Возможно, ему было безразлично, кто там сидит в его приемной, среди его журналов. Скорее всего, профессиональная этика предписывала доктору ничему не удивляться.

Но по крайней мере, мне удалось выудить его мнение о Прис, которая, по сути, пугала меня куда больше, чем симулякр.

– В конце концов, у меня есть мой армейский кольт и патроны, – сказал я. – Все, что мне нужно. А случай представится, будьте уверены. Рано или поздно она попытается проделать такую же бесчеловечную штуку, как со мной, с кем-нибудь еще, это только вопрос времени. Я же вижу свою миссию в том, чтобы положить этому конец.

Пристально глядя на меня, доктор Хорстовски произнес:

– Я абсолютно уверен – и ваши слова это подтверждают, – что основная проблема заключается в вашей враждебности. Враждебности скрытой, подавляемой. Это чувство тем не менее ищет себе выход и находит его в ваших отношениях с партнером и его восемнадцатилетней дочерью. Обремененной, кстати сказать, собственными проблемами. Но Прис честно ищет наилучший путь для их решения...

Я замолчал. Положим, все именно так, как он говорит. У меня нет врагов. А то, что снедает меня, – это лишь мои подавленные чувства, проявления расстроенной психики. Мне все это совсем не понравилось.

– И что же вы мне посоветуете? – спросил я.

– К сожалению, не в моих силах исправить реальное положение вещей. Но я могу помочь вам трактовать их по-новому.

Доктор выдвинул ящик стола, и я увидел там множество коробочек, бутылочек, пакетиков с пилюлями и даже крысиную нору, очевидно лечебного назначения. Порыскав среди всего этого многообразия, он вернулся ко мне с маленькой открытой бутылочкой.

– Я могу вам дать вот это, – сказал он. – Абризин. Принимайте по две таблетки в день, одну утром, одну на ночь.

– И что это мне даст? – Я засунул бутылочку подальше в карман.

– Попробую объяснить вам действие препарата, поскольку по роду деятельности вы знакомы с работой тонального органа Хаммерштайна. Абризин стимулирует работу переднего отдела спетального участка мозга. Это обеспечит вам большую бдительность плюс подъем и сознание, что все не так уж плохо. По своему воздействию это сопоставимо с эффектом, который обеспечивает тональный орган. – (Доктор передал мне маленький листок бумаги, сложенный в несколько раз. Развернув его, я обнаружил запись какой-то мелодии, аранжированной для хаммерштайновского органа.) – Однако эффект воздействия данного препарата намного выше. Вы же знаете, величина шокового воздействия тонального органа лимитируется законом.

Я скептически просмотрел запись на листке и замер. О боже! Это было самое начало Шестнадцатого квартета Бетховена. Вы знаете это мощное жизнеутверждающее звучание, энтузиазм Бетховена позднего периода. От одного только взгляда на эту вещь я почувствовал себя лучше.

– Я мог бы напеть вам ваше лекарство, – сказал я доктору. – Хотите, попробую?

– Благодарю, не стоит, – вежливо отклонил он мое предложение. – Итак, в том случае, если лекарственная терапия окажется бессильна, мы всегда можем попробовать иссечение мозга в области височных долей. Естественно, речь идет о полноценной операции в Объединенной клинике в Сан-Франциско или на горе Сион, в наших условиях это невозможно. Сам я стараюсь избегать подобных операций – вы ведь знаете, правительство запрещает это в частных клиниках.

– Я тоже предпочел бы обойтись без этого, – согласился я. – Некоторые из моих друзей успешно перенесли иссечение... но лично у меня это вызывает трепет. Нельзя ли попросить у вас эту запись? И возможно, у вас есть что-нибудь из лекарств, аналогичное по действию хоралу из Девятой симфонии Бетховена?

– Понятия не имею, – ответил Хорстовски. – Никогда не вникал в это.

– На тональном органе меня особенно впечатляет та часть, где хор поет: «Muss ein Lieber Vater wohnen»⁷, а затем вступают скрипки, так высоко, как будто голоса ангелов, и сопрано в ответ хору: «Ubrem Sternenzelt»...⁸

– Боюсь, я не настолько компетентен, – произнес Хорстовски.

– Понимаете, они обращаются к Небесному Отцу, спрашивая, существует ли он на самом деле, и откуда-то сверху, из звездных сфер, приходит ответ: «Да...» Мне кажется, что данная часть – конечно, если ее можно было бы выразить в терминах фармакологии, принесла бы мне несомненную пользу.

Доктор Хорстовски достал толстый скоросшиватель и стал пролистывать его.

– Сожалею, – признался он, – но мне не удастся выявить таблеток, полностью передающих то, что вы рассказывали. Думаю, вам лучше проконсультироваться у инженеров Хаммерштайна.

– Прекрасная мысль, – согласился я.

– Теперь относительно ваших проблем с Прис. Мне кажется, вы слегка преувеличиваете опасность, которую она несет. В конце концов, вы ведь вольны вообще с ней не общаться, разве не так? – Он лукаво взглянул мне в глаза.

– Полагаю, что так.

– Прис бросает вам вызов. Это то, что мы называем провоцирующей личностью... Насколько мне известно, большинство людей, кому приходилось с ней общаться, приходили к аналогичным чувствам. Что поделать, таков ее способ пробивать брешь в человеческой броне, добиваться реакции. Несомненно, это связано с ее научными склонностями... своего рода природное любопытство. Прис хочется знать, чем живут люди. – Доктор Хорстовски улыбнулся.

– Беда в том, – сказал я, – что в ходе своих исследований она доводит до гибели испытуемых.

– Простите? – не понял доктор. – Ах да, испытуемых. Что ж, возможно, вы правы. Но меня ей не удастся захватить врасплох. Мы живем в обществе, где необходимо абстрагироваться, чтобы выжить.

Говоря это, он что-то быстро писал в своем рабочем блокноте...

– Скажите, – задумчиво произнес он, – а что приходит вам на ум, когда вы думаете о Прис?

– Молоко, – сразу же ответил я.

– Молоко? – Доктор удивленно вскинул глаза на меня. – Молоко... Как интересно.

– Вы напрасно пишете мне карточку, – заметил я. – Вряд ли я еще раз сюда приду.

Тем не менее я принял от него карточку с назначением.

– Как я понимаю, наш сеанс сегодня окончен?

– Сожалею, но это так.

– Доктор, я не шутил, когда называл себя симулякром Прис. Луис Розен существовал когда-то, но теперь остался только я. И если со мной что-нибудь случится, то Прис с Мори создадут новый экземпляр. Вы знаете, что она делает тела из простой кафельной плитки для ванной? Мило, не так ли? Ей удалось одурачить вас, и моего брата Честера, и, может быть,

⁷ «Живет ли Отец Небесный» (нем.).

⁸ «В звездных сферах» (нем.).

даже моего бедного отца. Собственно, здесь кроется причина его тревоги. Мне кажется, он догадывается обо всем...

Выдав эту тираду, я кивком попрощался с доктором и вышел из кабинета. Прошел по холлу, через приемную и наконец очутился на улице.

«А ты нет! – подумал я про себя. – Ты никогда не догадаешься, доктор Хорстовски, даже через миллион лет. У меня хватит ума, чтобы обмануть тебя. Тебя и таких, как ты».

Я сел в свой «шевроле» и медленно поехал по направлению к нашему офису.

Глава 6

Слова, сказанные доктору Хорстовски, не шли у меня из ума. Да, был когда-то настоящий Луис Розен, но теперь он исчез. Теперь на его месте остался я. Тот, кто дурачил всех, включая себя самого.

Эта мысль, подобно привязавшемуся мотивчику, преследовала меня всю следующую неделю, делаясь с каждым днем все слабее, но не угасая окончательно.

В глубине души я сознавал, что это – глупость, порожденная раздражением против доктора Хорстовски. Но последствия не замедлили сказаться.

Первым делом во мне проснулся интерес к Эдвину М. Стэнтону. Вернувшись от доктора, я поинтересовался у Мори, где может находиться наш симулякр.

– Банди вводит в него новые данные, – ответил тот. – Прис еще раз пробежалась по его биографии, и всплыли дополнительные подробности.

Мой партнер вернулся к своим письмам, а я отправился на поиски. Я обнаружил их в мастерской. Банди, покончив с загрузкой информации, сейчас занимался проверкой результатов. Он задавал вопросы Стэнтону.

– Эндрю Джонсон изменил Союзу, так как не мог представить себе мятежные штаты в качестве... – Заметив меня, он прервался. – Привет, Розен.

– А можно мне потолковать с ним?

Банди удалился, оставив меня наедине с Эдвином М. Стэнтоном. Тот сидел в кожаном кресле с раскрытой книгой на коленях. Он следил за мной со строгостью во взгляде.

– Сэр, – окликнул я его, – вы узнаете меня?

– Естественно, узнаю. Вы – мистер Луис Розен из Бойсе, штат Айдахо. Я провел приятный вечер в доме вашего отца. Надеюсь, он здоров?

– Не настолько, как хотелось бы.

– Какая жалость.

– Сэр, я бы хотел задать вам несколько вопросов. Прежде всего, вас не удивляет тот факт, что, родившись в тысяча восьмисотом году, вы все еще живете и здравствуете в тысяча девятьсот восемьдесят втором? И не странно ли вам оказаться выброшенным как из того, так и из нынешнего времени? А также не смущает ли вас, что вы сделаны из реле и транзисторов? Ведь в той, прежней жизни вы были другим – тогда просто не существовало транзисторов. – Я умолк, ожидая ответа.

– Да, – согласился Стэнтон, – все это престранно. Но вот здесь у меня книга о новой науке кибернетике. И данная наука проливает свет на мои проблемы.

– Проблемы? – удивился я.

– Да, сэр. Во время пребывания в доме вашего отца мы с ним обсуждали некоторые загадочные обстоятельства этого дела. Когда я постиг краткость своей жизни, затерянной в вечности, то малое место во Вселенной, которое я занимаю в этой беспредельности, которой нет дела до меня и которую мне никогда не понять... Тогда, сэр, мне стало страшно.

– Еще бы!

– И я задумался, почему я здесь, а не там. Потому что для того нет причин – быть здесь, а не там. Быть сейчас, а не тогда.

– И к какому заключению вы пришли?

Стэнтон прочистил горло, затем достал сложенный льняной платок и старательно высморкался.

– Позволю себе предположить, что время движется какими-то странными прыжками, перескакивая через некоторые эпохи. Не спрашивайте меня, почему и как это происходит, – я не знаю. Есть вещи, которые не дано постичь человеческому разуму.

– А хотите услышать мою теорию?

– Да, сэр.

– Я утверждаю, что не существует никакого Эдвина М. Стэнтона или Луиса Розена. Они были когда-то, но затем умерли. А мы всего-навсего машины.

Стэнтон долго смотрел на меня, на его круглом морщинистом лице отражалась борьба чувств. Затем он произнес:

– Ваши слова не лишены смысла.

– Вот именно, – сказал я. – Мори Рок и Прис Фраунциммер сконструировали нас, а Банди построил. И сейчас они работают над симулятором Эйба Линкольна.

– Мистер Линкольн мертв. – Лицо моего собеседника потемнело.

– Я знаю.

– Вы хотите сказать, они собираются вернуть его?

– Да.

– Но зачем?

– Чтобы произвести впечатление на мистера Барроуза.

– Кто такой мистер Барроуз? – В голосе старика послышался металл.

– Мультимиллионер, который живет в Сиэтле, штат Вашингтон. Тот, который заварил всю эту кашу с субподрядчиками на Луне.

– Сэр, вы когда-нибудь слышали об Артемасе Уорде?

Мне пришлось признать, что не слышал.

– Так вот, сэр. Если мистера Линкольна возродят, то приготовьтесь – вас ждут бесконечные юмористические выдержки из сочинений мистера Уорда. – Сверкнув глазами, Стэнтон резко раскрыл свой том и принялся читать. Руки его при этом тряслись, а лицо было красным как свекла.

Очевидно, меня угораздило сказать что-то не то. Действительно, сегодня все настолько преклоняются перед Авраамом Линкольном, что мне и в голову не приходило допустить наличие у Стэнтона иной позиции в этом вопросе. Ну что ж, учиться никогда не поздно. Придется вносить коррективы. В конце концов, принципы, сформированные больше ста лет назад, достойны уважения.

Я извинился – Стэнтон едва взглянул на меня и сухо кивнул – и поспешил в ближайшую библиотеку. Спустя четверть часа нужные тома «Британской энциклопедии» лежали передо мной на столе. Я решил сначала навести справки о Линкольне и Стэнтоне, а затем еще просмотреть весь период Гражданской войны.

Статья, посвященная Стэнтону, оказалась короткой, но интересной. Вначале, как выяснилось, он ненавидел Линкольна. Это можно было понять: как старый и убежденный демократ, он испытывал ненависть и недоверие к новой Республиканской партии. Автор статьи характеризовал Стэнтона как резкого и неуживчивого человека (в этом я и сам имел случай убедиться), который не раз вступал в перебранки с представителями генералитета, особенно с Шерманом. Однако дело свое старый лис знал. Благодаря стэнтоновскому уму и проницательности удалось разогнать всех мошенников-подрядчиков, которые кормились вокруг армии Линкольна, и обеспечить качественную экипировку войск. По окончании боевых действий из армии было демобилизовано 800 тысяч человек, живых и относительно здоровых. А это, согласитесь, немало после такой кровопролитной войны. Не последняя заслуга в этом принадлежала мистеру Эдвину М. Стэнтону.

Смерть Линкольна в 1865 году ознаменовала новую эпоху в жизни нашего героя. Она характеризовалась непримиримым противостоянием Стэнтона президенту Джонсону. В какой-то момент казалось, что Конгресс победит и станет осуществлять единоличное правление страной... По мере того как я читал статью, я начинал понимать натуру старика – он был настоящим тигром. С бешеным характером и острым языком! Ему почти удалось выши-

бить Джонсона и занять его место в качестве военного диктатора. В заключение «Британская энциклопедия» отмечала безукоризненную честность и неподдельный патриотизм Эдвина М. Стэнтона.

В то же время в статье, посвященной Джонсону, Стэнтон характеризовался как бесчестный человек, нелояльный к президенту и вступивший в сговор с его врагами. Тот факт, что Джонсону удалось в конце концов избавиться от такого противника, объявлялся чудом и благодеянием господним.

Честно говоря, поставив тома «Британской энциклопедии» обратно на полку, я вздохнул с облегчением. Даже этих небольших статей было достаточно, чтобы прочувствовать ядовитую атмосферу ненависти и интриг, царивших в те дни. Мне это смутно напомнило средневековую Россию или политические заговоры времен Сталина.

Медленно шагая в сторону офиса, я предавался размышлениям. Что ж, чертовски славный джентльмен! В своей жадности дуэт Рок – Фраунциммер вернул к жизни не просто человека, а некую ужасную и грозную силу в истории Америки. Лучше бы они создали симулякр Захарии Тейлора. Я не сомневался, что решающую роль тут сыграло извращенное нигилистическое сознание Прис. Именно она вытащила этого политического джокера из исторической колоды! А ведь им было из чего выбирать – тысячи, если не миллионы персонажей! Но почему, боже милостивый? Почему Стэнтон? Не Сократ, не Ганди, в конце концов...

А теперь они преспокойно собираются реанимировать еще одну фигуру – того, к кому Эдвин М. Стэнтон питал ярую и непримиримую ненависть! Да они просто идиоты!

Вернувшись в мастерскую, я увидел, что Стэнтон по-прежнему занят чтением. Его книжка по кибернетике близилась к концу.

Не далее чем в десяти футах от него на большом верстаке громоздилась куча недоделанных плат, которым предстояло в один прекрасный день воплотиться в Авраама Линкольна. Знал ли об этом Стэнтон? Я повнимательнее пригляделся к недостроенному симулякру – никакого исторического сходства не прослеживалось. Пока это было ни на что не похоже. Труды Банди еще ждали своего оформления. Я подумал: если б Стэнтон подходил к конструкции в мое отсутствие, там наверняка обнаружили бы сломанные или сожженные фрагменты. Однако ничего подобного не наблюдалось.

В последние дни я не видел Прис. Полагаю, она отсиживалась дома, оканчивая работу над внешней оболочкой симулякра. Возможно, именно сейчас она наносила завершающие мазки на впалые щеки Эйба Линкольна. Так сказать, последний штрих... Я мысленно представил себе знакомую бородку, грустные глаза, крупные руки и костлявые ноги – какое поле деятельности для Прис, для выражения ее артистической души! Неудивительно, что она глаз не казала, с тех пор как работа вошла в завершающую стадию.

На лестнице я столкнулся с Мори.

– Послушай, дружище, – поймал я его за рукав. – А ты не боишься, что наш Стэнтон в один прекрасный день прибудет Честного Эйба? Ты вообще заглядывал в книги по истории?

И тут до меня дошло.

– Ты должен был их читать! Ведь это же ты готовил блок управления! Значит, ты лучше меня понимаешь, какие чувства питает Стэнтон к Линкольна. Знаешь, что, дай ему волю, он с радостью превратил бы Эйба в обугленную головешку!

– Только не надо приплетать сюда политические коллизии давно минувших лет, – ответил Мори со вздохом. – То Прис тебе не давала покоя, теперь Стэнтон... Ты осознаешь, что превращаешься в старого маразматика? Пусти меня и дай мне работать.

Я бросился снова в мастерскую. Стэнтон все так же сидел в своем кресле, но книга была закрыта. Очевидно, он закончил читать и теперь размышлял.

– Молодой человек, – обратился он ко мне, – я хотел бы получить больше информации об этом Барроузе. Вы говорили, он живет в Вашингтоне, в Капитолии?

– Нет, сэр, – поправил я, – в штате Вашингтон.

Я объяснил ему разницу.

– Насколько я понял со слов Мори, – продолжил Стэнтон, – именно благодаря связям Барроуза в этом городе была открыта Всемирная ярмарка?

– Я слышал что-то подобное. Ничего удивительного: столь богатый и эксцентричный человек, как Барроуз, неминуемо порождает массу легенд.

– Ярмарка все еще работает?

– Нет, это было давно.

– Жаль, – пробормотал Стэнтон. – Мне бы хотелось взглянуть на это...

Меня почему-то тронули его слова. Мне вновь и вновь приходилось пересматривать свое первое впечатление об этом человеке. Господи, сейчас он казался мне куда более человечным, чем все мы – Прис, Мори и даже я сам, Луис Розен. Пожалуй, только своего отца я мог бы поставить рядом со Стэнтоном. Доктор Хорстовски выглядел просто какой-то бледной схемой по сравнению с этим симулякром... И тут я задумался о Барроузе. А какое место занял бы он в этом сравнительном ряду? А Линкольн? Что получится из нового эксперимента?

– Мне бы хотелось услышать ваше мнение о мисс Фраунциммер, сэр, – обратился я к симулякру. – Если у вас, конечно, есть время.

– Время у меня есть, мистер Розен.

Я уселся на автомобильную покрывку напротив него и приготовился слушать.

– Я знаю мисс Фраунциммер уже какое-то время, затрудняюсь точно определить, но скажем так – мы знакомы достаточно хорошо. Она недавно выписалась из клиники Касанинского медицинского центра в Канзас-Сити, штат Миссури, и вернулась в семью. Фактически я жил в ее доме. У нее светло-серые глаза и пять футов шесть дюймов росту. Вес в настоящее время где-то сто двадцать фунтов, мне кажется, она худеет. Я бы не назвал ее красавицей – скорее, довольно милой. Теперь перехожу к более глубинным материям. Ее предки были из высших слоев, хоть и иммигранты. Данный факт в американских понятиях означает, что человеку открыт путь вверх. И регламентируется этот путь только личными способностями самого человека. Это вовсе, конечно, не означает гарантированного устройства в жизни, отнюдь. Мисс Фраунциммер безусловно права, когда отказывается от жизненных возможностей, ограничивающих ее персональные способности. Мне очень хорошо понятен огонь, что порой полыхает в ее серых глазах.

– Похоже, – сказал я, – вы заранее продумали свою речь.

– Сэр, данная тема видится мне достойной обсуждения. В конце концов, вы сами ее подняли, не так ли? – Он метнул в меня пронзительный взгляд. – Лично мне мисс Фраунциммер кажется хорошим человеком. Но есть внутри ее какое-то нетерпение, сэр. Нетерпение и характер. А характер – это та наковальня справедливости, на которой перековываются явления жестокой действительности. Человек без характера похож на безжизненное животное. Это та самая искра, благодаря которой куча костей, плоти, жира и шерсти обращается в овеществленное дыхание Божества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.